

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ В.И. ДМИТРИЕВОЙ О Е.П. МАЙКОВОЙ

© 2008 г. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Т. В. Соколовой

Воспоминания рассказывают о необычной судьбе яркой и незаурядной женщины – Екатерины Павловны Майковой (1836–1920), невестки поэта А.Н. Майкова, критика В.Н. Майкова и академика Л.Н. Майкова, послужившей И.А. Гончарову прототипом Веры в романе “Обрыв”. В.И. Дмитриева (1859–1947) – писательница народнической ориентации, автор ряда популярных в свое время произведений для детей и взрослых. Воспоминания из архива Государственного Литературного музея (ГЛМ) публикуются впервые.

The reminiscences describe a singular destiny of a bright and extraordinary woman, Ekaterina Pavlovna Maykova (1836–1920), a daughter-in-law of the poet A.N. Maykov, the critic V.N. Maykov and the Academician L.N. Maykov. I.A. Goncharov used Ekaterina as the prototype of Vera, the heroine of his novel “The Precipice”. V.I. Dmitrieva (1859–1947) is a writer of the Narodnik orientation and the author of several once-popular writings for children and adults. The reminiscences (from the State Literary Museum archive) are published for the first time.

Памяти моих родителей

В литературе об И.А. Гончарове с давних пор известны воспоминания В.И. Дмитриевой о Е.П. Майковой, однако полностью они никогда не публиковались. Между тем, история жизни Е.П. Майковой, записанная с ее слов, проливает свет на многие вопросы, связанные с творческой историей романа “Обрыв”. Несколько вариантов рукописи неопубликованных воспоминаний хранятся в Государственном Литературном музее (Москва).

Героиня и автор этих воспоминаний – личности примечательные. Под обаяние Екатерины Павловны Майковой в разное время попадали многие люди. Е.А. Штакеншнейдер¹ в своих записках свидетельствует о связи образа Ольги Ильинской в романе И.А. Гончарова “Обломов” с Е.П. Майковой: «Гончаров кончил свой “Сон Обломова”² и читал его некоторым друзьям. Кто-то заметил ему, что главное женское лицо в нем слишком идеально. Гончаров отвечал, что он его писал с натуры и что оригиналом ему служила Катерина Павловна»³. Это же подтверждает Д.Н. Овсянко-Куликовский, посвятивший Майковой один из разделов (в главах о Гончарове и его романе “Обломов”) книги “История русской интеллигенции”. Там сказано: “В противоположность фигуре Штольца, в Ольге нет ничего искусственного, априорного. Это – живое лицо, прямо взятое из жизни. В художественном отражении, в поэтическом обобщении оно явилось психологическим типом, объединяющим лучшие стороны русской образованной женщины, имеющей все данные, чтобы явить тот идеал общественного деятеля, о котором некогда мечтал Добролюбов...”⁴ Судьба Е.П. Майковой – пример того,

как в частную человеческую жизнь вторглась история и сплелась с нею.

Началось все с того, что в 1852 г. Е.П. Калита стала членом семьи Майковых, чью роль в истории и культуре России и место в общественной иерархии трудно переоценить⁵. И вот именно в этой семье произошел скандал – случился обрыв, отразившийся на творческой истории одноименного романа. В 1866 г. Е.П. Майкова, увлеченная идеями “новых людей” и одним из их представителей, оставила мужа, троих детей и ушла к разночинцу и бывшему семинаристу Ф.[В.] Любимову. События эти совпали с периодом работы И.А. Гончарова над романом “Обрыв”. Писатель был близок с Майковыми, а связь семейного происшествия с сюжетом его произведения попала в поле зрения современников и историков. В свою очередь, жизнь и судьба Е.П. Майковой не могла не привлечь внимания следующего поколения литераторов и исследователей.

Среди них оказалась Валентина Иововна Дмитриева – детская писательница (хрестоматия ее рассказ “Мальш и Жучка”, выдержавший в 1896–1980 годах 20 изданий), прозаик (три тома ее повестей и рассказов вышли в 1916 г. в Петрограде, и впоследствии ее произведения неоднократно переиздавались в советское время), мемуаристка (книга “Так было. Путь моей жизни” издана наполовину: первый том увидел свет в 1930 г., [М.: Л.], а второй [ОГИЗ – “Молодая Гвардия”, 1931] не вышел, но его верстка с авторской правкой хранится в рукописных фондах ГЛМ)⁶. Критика 1910-х годов – времени издания первых итоговых сборников Дмитриевой – отмечала ее верность заветам народнической идеологии, живой инте-

рес к бытовой и этнографической сторонам жизни. Проза Дмитриевой, генетически связанная с народнической беллетристикой и ее просветительской миссией, ориентирована, по большей части, на возможности восприятия читателя заинтересованного, но вкусившего лишь первые плоды просвещения и книжной культуры. Такого читателя Дмитриева представляла себе лучше всего, будучи породнена с ним происхождением (она из крестьянской семьи) и всей своей последующей деятельностью – сельская учительница, земский врач, общественный деятель народнического толка.

Личность Дмитриевой явилась в огромной степени результатом реформ 1860-х годов, в то время как Е.П. Майкова по рождению и воспитанию принадлежала к иной среде и эпохе, но выбрала и прошла жизненный путь, характерный для людей не ее происхождения, а той разнотинной интеллигенции, которая стала участвовать в общественной жизни России в период реформ. Судьба свела двух женщин в 1903 г. в Сочи, и Дмитриева стала confidentкой Майковой.

События, запечатленные в воспоминаниях Дмитриевой, охватывают огромный период времени – от последних лет царствования Николая I до установления Советской власти в Сочи. Как уже отмечалось, их описание сохранилось в нескольких вариантах.

Самый ранний из них представляет собой автограф на восьми страницах со следами старой орфографии. Вероятно, текст написан вскоре после смерти Майковой. Этот вариант наиболее эмоционален, хотя и лаконичен. По жанру он более всего соответствует некрологу. Думается, его появление можно связать с участием В.И. Дмитриевой в похоронах Е.П. Майковой, и предположительно датировать 1920 г. Эта редакция была опубликована в журнале “Русская словесность” (1997, № 1) и озаглавлена по первой фразе текста “Бывают люди...”.

Еще раз с той же героиней мы встречаемся в невышедшей второй части книги В.И. Дмитриевой “Так было. Путь моей жизни”, в которую включены фрагменты воспоминаний о Майковой и сведения, имеющие к ним отношение (см. с. 56–60, 185–197, 208–209 и др.). Изложение обстоятельств жизни Е.П. Майковой здесь менее подробно, чем в специально написанных текстах, кроме того, книга завершается событиями лета 1915 г., и конец жизни Е.П. Майковой в ней не описан.

Следующий вариант, озаглавленный «Екатерина Павловна Майкова. (Вера из романа “Обрыв” И.А. Гончарова)»⁷, датирован 30 мая 1941 г., составлен в Москве, когда Дмитриевой было полных 82 года. Она сама признает, что “многое уже поблекло, а кое-что и забыто” (тетрадь I, с. 11). Это автограф в четырех ученических тетрадях,

оформленный как беловая рукопись – почти без правки и помарок. Здесь наиболее последовательно очерчен характер Е.П. Майковой таким, как он запомнился В.И. Дмитриевой. С точки зрения жанровой принадлежности записки ближе всего к очерку. Сделаны они, должно быть, по заказу. На обложке первой тетради московский и сочинский адреса и телефон, вероятно, на случай, если заказчику понадобится разыскать автора:

“В.И. Дмитриева

Адрес: Москва, 21. Б. Пироговская, д. № 7, кв. № 5.

Телефон: Г.6.82.51

Летом. Сочи, Печоринская, 5”.

В тексте неоднократно отмечена помощь литературоведов Б.П. Козьмина (1883–1958) и И.Н. Кубикова (1877–1944) при составлении записок. Возможно, именно они инициировали эту работу. Пришли тетради в ГЛМ в составе фонда Е.Ф. Никитиной, из чего можно предположить, что раньше они хранились в архиве “Никитинских субботников” – литературного кружка и кооперативного издательства, с перерывами существовавших в Москве в 1912–1974 годах.

Наконец, еще один вариант условно датируется по дневниковой записи внутри рукописи сентябрем 1941 г. (“3 Сентября 1941 года. 2 месяца и 13 дней Великой Отечественной войны <...>”). Он озаглавлен «Кто была Вера из “Обрыва” Гончарова?»⁸. Характер рукописи свидетельствует о том, что она побывала в Сочи и с ней там работали. Это черновик с несколькими попытками начала текста, со вставками и исправлениями. Здесь есть подробности, которых нет в других вариантах воспоминаний, писался он, вероятно, для себя, поэтому не скован стандартами беловика, очень колоритен, ассоциируется с заготовками для мемуаров. “Сочинская рукопись” пришла в ГЛМ в составе архива В.И. Дмитриевой после ее смерти в Сочи, по акту от 9 сентября 1948 г. Возможно, она является реконструкцией по памяти “московских тетрадей”, либо заготовками для них – тогда запись, сделанная в сентябре 1941 г., объясняется тем, что рукопись пересматривалась и сохранила следы других заметок.

В двух последних вариантах воспоминаний есть расхождения в последовательности и детальности изложения, но они почти совпадают по объему и набору описанных событий.

В фонде В.И. Дмитриевой сохранились также письма к Е.П. Майковой ее детей, родственников и знакомых. Эти материалы относятся к концу XIX (1890-е годы) и началу XX (1900-е и 1910-е годы) веков. Частично они были опубликованы в журнале “Литература в школе” (1997, № 5). Уцелели также дневники В.И. Дмитриевой 1917–1920 годов. Соединенные вместе, архивные документы обнаруживают одну очень существенную черту – они превращаются в свидетельство

разрушения элитарной, сплоченной и патриархальной семьи с давними культурными традициями. Катаклизмы истории нарушают метафизику частной жизни, вторгаясь в нее и находя в ней тех, кто оказывается легкой добычей. Слабым звеном семьи стала Е.П. Майкова, выбор которой повлиял на судьбы ее детей и родных. Двадцатый век обошелся с близкими Майковой людьми и родственниками по-своему, разметав их по противоположным станам. В.К. Константинов (1867–1920), сын Е.П. Майковой от Любимова, принимает активное участие в событиях 1905–1907 годов⁹; будучи членом Первой Государственной Думы, подписывает Выборгское воззвание и оказывается на скамье подсудимых вместе с В.Д. Набоковым, С.А. Муромцевым, Ф.Ф. Кокошкиным, И.И. Петрункевичем и другими видными деятелями кадетской партии, которые сначала, в 1908 г., были ограничены в правах в результате Выборгского процесса, а затем декретом от 28 ноября (11 декабря) 1917 г. объявлены врагами народа. В то же время старший сын Ап. Н. Майкова был в рядах “Союза русского народа”¹⁰. Младший сын Вл.Н. и Е.П. Майковых Владимир – воспитанник и ученик Леонида Майкова, однокашник Б.Л. Модзалевского, ученый и чл.-кор. АН СССР – завершил свой жизненный путь в блокадном Ленинграде¹¹. В финале записок Дмитриевой сказано, что хаос революции и Гражданской войны ускорили смерть и самой Е.П. Майковой.

Воспоминания насыщены живыми деталями и интереснейшими фактами. Грешат же они некоторой односторонностью оценок, привитой части общества революционно-демократической традицией и поощряемой в годы революционного строительства. Разграничить позицию мемуаристики и ее героини во многих случаях почти невозможно, но нельзя не предположить, что составитель текста порой усиливает однозначность оценок определенных явлений российской культуры и общественной жизни, хотя в то же время и в Майковой Дмитриеву более всего могли привлекать именно мнения и поступки, казавшиеся ей нехарактерными для человека той среды, с которой Майкова порвала.

Двойное преломление событий в памяти сначала рассказчицы, дожившей до весьма преклонного возраста, а затем – столь же немолодой писательницы, является феноменом мемуаров Дмитриевой. И на интерпретации фактов сказывалось множество обстоятельств.

Необходимо отметить еще одну черту воспоминаний – их взаимодействие с русской мемуаристикой XIX века. Дмитриева далеко не всегда совпадает (а пожалуй, как правило, не совпадает) в описании и оценке одних и тех же фактов и событий с другими авторами. Это обстоятельство необходимо учесть при работе с текстом воспоминаний, тем более что он пестрит неточностями.

Судя по их схожести во всех редакциях, можно думать, что представления об упомянутых событиях и сам облик Майковой практически не менялись в сознании автора. Все варианты составлены по памяти – блокноты с синхронными записями рассказов Майковой погибли в 1919 г. в Воронеже¹². Факты впоследствии не перепроверялись, а изложение их в запомнившейся автору версии помогает очертить Е.П. Майкову так, как Дмитриевой хотелось ее помнить.

Фактический “костяк” всех четырех вариантов воспоминаний разнится в деталях и степени подробности описания событий, но совпадает в их трактовке, сохраняет одни и те же абберрации, последовательно прошедшие через все тексты, практически не отразившись на корректировке документальной достоверности воспоминаний. При чтении такие абберрации заметны, хотя и не всегда поддаются объяснению. И думается, что решение этой задачи находится не в области фактологии, но связано с психологией и зависимостью автора от “культурных формул”, которые были заданы средой и эпохой, определившими саму личность мемуаристики.

Хронологический разрыв между событием, рассказом о нем Майковой и составлением текста воспоминаний Дмитриевой порой очень велик – от полувека до почти века, – поэтому нет ничего удивительного в том, что и эпоха, и мнения, и личности утратили четкие очертания. Даже ощущение продолжительности жизни Майковой у Дмитриевой значительно сдвигает календарную дату рождения героини ее воспоминаний.

Безусловно, такого рода “эффект монокла” ставит под сомнение доверие к мемуаристке. Но подобные несообразности обнажают механизм искажения наших представлений: достаточно потерять (забыть или не знать) небольшое звено в цепочке, чтобы события преобразились до неузнаваемости.

При подготовке публикации необходимо было разделять личности автора воспоминаний и их героини. Их совмещение особенно заметно в тех частях текста, где речь идет о вещах, атмосферу и порядок которых Дмитриева реконструирует в меру своих возможностей со слов Майковой или других участников и очевидцев событий (Е.М. Гаршина, например).

Воспоминания Дмитриевой, как уже отмечалось, хотя и не были изданы, но давно известны узкому кругу исследователей творчества И.А. Гончарова, которые не раз ссылались и продолжают ссылаться на них и даже их цитировать.

Е.П. Майковой посвящено исследование О.М. Чемены “Создание двух романов. Гончаров и шестидесятница Е.П. Майкова” (М.: Наука, 1966). В этой работе (см. с. 122–124; 139, сн. 24) обильно приведены отрывки из неизданной части книги “Так было” и пересказывается “сочинская

рукопись”, но избегается ее цитирование. “Московские тетради” вряд ли были известны О.М. Чемене, так как включены в опись ГЛМ в 1978 г., то есть много позднее ее работы над книгой. Исследование О.М. Чемены содержит данные, проясняющие биографию Е.П. Майковой и корректирующие отклонения памяти В.И. Дмитриевой. Работу О.М. Чемены использует Н.К. Пиксанов в книге «Роман Гончарова “Обрыв” в свете социальной истории» (М., 1968). Однако публикации самих воспоминаний мешали, вероятно, множество факторов. История издания второй части книги В.И. Дмитриевой “Так было” (с воспоминаниями о Е.П. Майковой) завершилась при жизни автора на сигнальном, а фактически цензурном, экземпляре. Рукописи, одна из которых закончена за несколько недель до начала Великой Отечественной войны, а другая относится к первым ее месяцам, тоже не увидели света. Среди других причин – и сложность проблемы прототипа, и споры вокруг финала романа “Обрыв”, и допущенные мемуаристкой неточности. Кроме того, в воспоминаниях порой речь заходит о событиях, далеко выходящих за безопасные исторические рамки романов Гончарова, и о людях, чью судьбу безжалостно разрушили новые исторические веяния и утвердившееся государство.

Безусловно, главное, ради чего возможна и необходима публикация воспоминаний В.И. Дмитриевой о Е.П. Майковой, – их соотнесенность, если угодно, неявное “соперничество” с метафизическим финалом романа И.А. Гончарова “Обрыв”. Поэтому, думается, давно настало время обнародовать источник, знакомый лишь узкому кругу исследователей, и представить на суд читателей “жизненное послесловие”¹³ к роману, показав ход событий, который предвидел и от которого отказался Гончаров. В связи с этим, прекрасно отдавая себе отчет, что гончаровскую Веру невозможно отождествлять с Е.П. Майковой как реальным лицом и персонажем мемуаров В.И. Дмитриевой, все же трудно удержаться от еще одной попытки обнаружить точку бесконечности, где параллельные прямые пересекаются. Разумеется, предчувствие судьбы Е.П. Майковой отразилось на создании романа “Обрыв” и сказалось на логике его финала, подвергнутого беспощадной критике единомышленниками героини воспоминаний.

В письмах к Е.П. Майковой Гончаров не скрывает своего разочарования в прежних впечатлениях от нее. По мнению писателя, присущие Майковой такт, тонкий и острый ум были залогом здравых понятий о добре и зле, обязанностях, труде, долге и чувствах, месте и роли в жизни, утвердившихся не в результате бездумного следования авторитетам, а благодаря разумному и беспристрастному выбору развитой женщины. Но на ме-

сте всего этого оказался хаос, разлад мысли и воображения с действительностью, разбалованная фантазия, неверное понимание любви как праздного наслаждения¹⁴. И, наконец: “<...> Я полагал, что какие бы противные и неприятные ни были стороны в Вашем прежнем быту <...> [у Вас с Вашим прошедшим столь четкая и живая связь – (трое детей), что мне казалось <...> все должно бы было влечь обе стороны одна к другой, и если этого нет, то остается предположить **некоторую заглушенность, то ли неразвитость той стороны, которую относят к понятию о сердце** <...> (здесь и далее выделено мною. – Т.С.)]”¹⁵. Будущность женщины, шагнувшей в “обрыв”, была для Гончарова ясна и непривлекательна: “У меня первоначальная мысль была та, что Вера, увлеченная героем, следует после, на его призыв, за ним, бросив все свое гнездо, и с девушкой пробирается через всю Сибирь. Но это уже бывало сто раз <...>”. Поэтому писателя волновал другой вопрос, который, по его словам, и поставлен в пятой части романа: “Это анализ так называемого падения. Притом меня увлекла **художественная** сторона драмы, и я здесь чисто отдался своему **художественному инстинкту** <...> оставив в стороне тенденцию <...>”¹⁶. Этими словами выражено предпочтение эстетического – очень существенного для Гончарова – решения при выборе судьбы для Веры. Но Гончаров объясняет это решение и исторически, и психологически: “Дальше Вере идти некуда – сами Вы сознались, что **ничего еще не выработалось**. Следовательно, романисту остается выдумать и узаконить еще небывалое положение для женщины – или если и бывалое, то терпимое, с значительным снисхождением <...>. Я не знал бы, что мне дальше делать из Веры, или если и знал бы, и – пожалуй – знаю, то все не вышло бы ничего нового. Она последовала бы за своим героем, разделила бы его участь, была бы полна безупречно страстной преданности ему – и если б не было у ней детей, то искала бы сделать полезной, необходимой другим – конечно, разделяла бы и его убеждения. Но все это будет делать и теперь, может быть, с другим, которого оценила поздно”¹⁷. Именно поэтому Гончаров дал возможность Вере принять протянутую ей через “обрыв” (“с прежним уважением и симпатией”¹⁸) руку Тушина – так писателю подсказало его эстетическое чутье. Е.П. Майковой этого чувства не достало, чтобы вернуться в семью. Своей судьбой она осуществила отвергнутый Гончаровым вариант развития сюжета. Именно этот вариант, неожиданно обретший историческую предпочтительность, вдохновил В.И. Дмитриеву – литератора иного поколения, иных эстетических привязанностей и этических ориентаций.

При всей несопоставимости литературного значения романа “Обрыв” и воспоминаний

В.И. Дмитриевой трудно избавиться от мысли, что благодаря очерку этой писательницы народного толка судьба Е.П. Майковой связала разные эпохи и тенденции культуры – вытеснявшие и исключавшие друг друга. Воспоминания Дмитриевой, симпатизирующей своей героине и приверженной тем идеалам, которыми во многом объясняется выбор Е.П. Майковой, парадоксально закрепляют преимущество выбора И.А. Гончарова, сообщая метафизическому финалу его романа еще большую эмоциональную и этическую убедительность и перспективность.

Для публикации выбраны “московские тетради” – завершенная редакция воспоминаний. Орфография рукописи приближена к современной норме. Невыясненные и общеизвестные факты оставлены без комментария. Моя сердечная признательность за содействие в подготовке публикации сотрудникам ГЛМ А.Ю. Бабосову (отдел книжных фондов) и недавно скончавшейся Н.М. Рубашёвой (отдел рукописей).

Т.В. Соколова

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Штакеншнейдер Елена Андреевна (1836–1897) – дочь придворного архитектора А.И. Штакеншнейдера, автор дневников и воспоминаний, публиковавшихся первоначально фрагментами в журналах “Русский Архив” (1893, т. II), “Русский Вестник” (1899, № 10, 1901 № 5–8, 10), “Голос Минувшего” за 1915, 1916 и 1919 гг. В 1934 г. издательство “Academia” выпустило книгу Е.А. Штакеншнейдер “Дневники и записки (1854–1886)”. В своих воспоминаниях Е.А. Штакеншнейдер неоднократно упоминает Е.П. Майкову, явно симпатизируя ей и создавая образ привлекательной и неординарной женщины.

² Неточность. “Сон Обломова” был напечатан в 1849 г. в “Иллюстрированном Альманахе” Н.А. Некрасова. Запись Е.А. Штакеншнейдер сделана 18 мая 1858 г. – в этом году был закончен роман “Обломов”.

³ Штакеншнейдер Е.А. Дневники и записки (1854–1886). М.; Л.: Academia, 1934. С. 210. Далее ссылки на эту книгу даются с указанием ее автора и страницы.

⁴ Овсянко-Куликовский Д.Н. История русской интеллигенции. Итоги русской художественной литературы XIX века. Часть I, гл. XI, раздел 3. М.: издание В.М. Саблина, 1906. С. 326–329.

⁵ См.: Володина Н.В. Майковы. Преданья русского семейства. СПб.: Наука, 2003.

⁶ ГЛМ. Ф. 11, оп. 1, № 176, Оф 3127; Кп 50910/247.

⁷ ГЛМ. Ф. 11, оп. 1, № 564, Рф 8720; Кп 54037/3.

⁸ ГЛМ. Ф. 11, оп. 1, № 175, Оф 3072/2; Кп 50910/120 (далее – “сочинская рукопись”).

⁹ ГЛМ. Ф. 11, оп. 1, № 515, переписка Вл. Вл. Майкова с Е.П. Майковой 1907–1908 гг. См. также: “Литература в школе”. 1997. № 5. С. 55–59.

¹⁰ Николай Апполонович Майков. См. о нем.: Вумме С.Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М.: Мысль, 1991. С. 218.

¹¹ О В.В. Майкове см.: Архив АН СССР. Обзорные архивных материалов. Том IV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 180.

¹² Дмитриева В.И. Так было. Путь моей жизни. ОГИЗ – “Молодая гвардия”, 1931. С. 195. Не издано, цитируется по верстке с авторской правкой, хранящейся в ГЛМ (см. примеч. 6). Далее ссылки на эту книгу даются с указанием названия и страницы.

¹³ Чемена О.М. Создание двух романов. Гончаров и шестидесятница Е.П. Майкова. М.: Наука, 1966. С. 115. Далее ссылки на эту книгу даются с указанием ее автора и страницы.

¹⁴ См. письмо И.А. Гончарова к Е.П. Майковой от 16 мая [1866. Петербург]. Цит. по.: Чемена... С. 141–149.

¹⁵ [1869]. Апрель. Петербург // Там же. С. 151–152.

¹⁶ Там же. С. 149–150.

¹⁷ Там же. С. 150.

¹⁸ Гончаров И.А. Обрыв // Гончаров И.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1960. С. 352.

ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА МАЙКОВА

(Вера из романа “Обрыв” И.А. Гончарова)

1903 год. Июнь. Цвели розы, магнолии, глицинии, и когда на закате солнца пароход “Черномор” бросил якорь у сочинских берегов, горный бриз принес оттуда волну таких чудесных ароматов, что даже у мучеников морской болезни на бледных лицах расцвели робкие улыбки. В то время Сочи еще не были прославленным советским курортом; по улицам, вместо автобусов и автомобилей, носились легкие фаэтоны с белыми балдахинами и кучерами в белых бешметах; дома были по большей части одноэтажные, с фундамента до крыши обвитые розами и глициниями; их розовые, белые, золотистые, красные, лиловые каскады струились вдоль стен, скрывая совершенно фасады домов, а улицы, обсаженные пальмами и кипарисами, превращали город в сплошной сад. Сквозь густую листву прибрежных букетов, дубов, каштанов море посылало городу свои сверкающие улыбки, с другой стороны вздымались мохнатые горы, и дальше, за их зубчатой линией, на темнеющем небе резко вычерчивались ледяные вершины – Фишт и Амуко. Сумерки наступили быстро, и в пахучих зарослях садов и парков, мимо которых мы ехали, точно бриллиантовые фейерверки, зажглись тысячи летящих огоньков – *luseola mingrelica* [святлячки. – Т.С.]. Все это поражало приезжего; все было похоже на какой-то фантастический сон...

Но отравленному книгами человеку этих красот мало, и, устроившись в Сочи, я прежде всего осведомилась у старожилов, есть ли здесь библиотека. Мне ответили, что общественной городской нет, но вот на Михайловской улице (теперь Музейная), в собственном доме живет старушка, Екатерина Павловна Майкова; она получает мно-

го газет, журналов, имеет большой выбор книг и бесплатно разрешает всем желающим пользоваться ими с одним условием – аккуратно их возвращать. К этому еще добавили, что она большая общественница, что без нее не обходится ни одно культурное начинание города, где она проявляет и инициативу, и самую энергичную деятельность – дешевые столовые для пришлых рабочих, литературные вечера в общественном собрании и др. Кроме того, у нее в доме существует нечто вроде горного клуба с зачатками музея краеведения, где при содействии ее близкого друга инженера Василия Константиновича Константинова¹, строителя шоссе на Красную Поляну (будущий горный курорт), устраиваются экскурсии в горы и беседы о Кавказском Черноморье. Но особенно возбудило мой интерес сообщение, что Екатерина Павловна, как жена брата поэта, Аполлона Майкова, свои юные годы провела в литературных кругах, ею был увлечен И.А. Гончаров, и она была будто бы прототипом мятежной Веры, ушедшей в символический “обрыв” и променявшей уют и спокойную сытость бабушкина гнезда на бурную жизнь с ниспровергателем всяких основ, беспутным Маркушкой Волоховым. Говорили также, что нрав у нее очень строптивый, к людям относится она с большим разбором и не всех посетителей библиотеки принимает приветливо, в чем я впоследствии убедилась лично. Наслушавшись этих рассказов, я представляла себе Майкову величественной матроной, вида сурового и энергического, поэтому, когда шла к ней в первый раз, чувствовала себя несколько настороженно. Очень ярко врезалась мне в память эта встреча.

Маленький, простой, почти бедный домик, приютившийся в тени огромных дубов, виноградных лоз и магнолий. Невдалеке от крылечка раскинул могучие ветви старый дуплистый дуб, а в тени его – большой стол, врытый в землю, вокруг него – скамьи, на столе – газеты, книги, а на скамьях – посетители, погруженные в чтение. И всюду розы, розы, розы, лилии, лавры, пальмы, и среди них – самые любимые украинские цветочки, нагидки [ноготки. – Т.С.], маки, барвинки, даже улыбающийся демократический подсолнух. Я еще не успела спросить, могу ли видеть Майкову, как на крыльцо вышла она сама, и вместо величавой матроны, я увидела маленькую, худенькую старушку, с морщинистым личиком и седыми волосами, причесанными по старинной моде. Одета она была в белое платье и белый халат вроде больничных, это был ее обычный костюм, и за долгие годы нашего знакомства я никогда не видела ее в другом. Она казалась такой старой, что трудно было сказать, была ли она красива в молодости, но на этом сморщенном лице сияли большие, черные глаза, полные такого огня, такого тонкого юмора, что заставляли совершенно забывать о старости. Хороша у нее была также

улыбка, вот по этой улыбке, озарявшей ее лицо отблеском какого-то нежного лукавства, можно было представить, как она привлекательна была в юные годы.

Я довольно сухо назвала себя, но она осияла меня своей очаровательной улыбкой, и вся моя настороженность сразу исчезла. Мы расцеловались.

– А мне уже говорили, что вы приехали, и я вас давно жду. Я для вас даже книгу приготовила – последний номер “Русского Богатства”. Там есть кое-что интересное.

Я поблагодарила, а Майкова продолжала:

– Я почти все ваше читала и в журналах, и отдельные издания есть – “Донской Речи”, “Русского Богатства”, “Рапп и Потапова”². Только я их не всем даю.

– Почему “не всем”? – Она как-то пренебрежительно отмахнулась, точно отстраняя от себя что-то неприятное. Это был у нее обычный жест, когда ей не хотелось говорить.

– Ваши книги не для скучающей курортной публики; в них нет ни флирта, ни страшных приключений; недаром кто-то из критиков сказал, что у вас мужское перо. Я такие книги даю рабочим.

– Ну, рабочим-то, вероятно, тоже скучно читать. Они любят и страшные, и веселые приключения, чтобы отдохнуть от своей тяжелой жизни.

– О, нет, часто спрашивают “нет ли чего про нашу жизнь”? Я им давала Решетникова, Мамин-Сибиряка, читают и требуют побольше таких. А Некрасова как любят! Наизусть заучивают. Ну, пойдемте, я покажу вам свою библиотеку.

– А вот этот дуб перед крыльцом – он исторический. Здесь у черкесов был суд; собирались старейшие в ауле и судили преступивших закон. Мне рассказывал это старый черкес; когда их отсюда выселяли в Турцию, он не захотел покинуть родную землю и остался доживать свой век здесь. До самой смерти жил у меня и много мне помогал при строительстве моем в Сочи.

Дуб действительно был великолепный, и, глядя на него, я невольно подумала, какие, может быть, драмы разыгрывались под сенью его древних ветвей в былые времена!

Мы пошли осматривать владения Майковой. Дом у нее был какой-то странный, точно его постоянно достраивали и перестраивали. Так оно и было: купленный ею участок оказался заболоченным; его приходилось осушать дренажами, и сначала для жилья был поставлен небольшой домик в три комнаты. Потом, по мере того, как почва обсушивалась, заросли вырубались и выкорчевывались, на их месте разводились культурные растения и к домику пристраивались новые помещения. С южной стороны протянулась длинная

веранда, на которую выходили двери читальни и музея. Возник сарайчик для дров и др. хозяйственных вещей, а при нем сторожка – две прекрасные комнаты с голландской печью. А в самые последние годы был надстроен второй этаж с застекленным балкончиком, Катерина Павловна почему-то называла его тамбуром. Там у нее стояли шкафы с книгами и тут же она спала, обедала и читала, когда библиотека была закрыта. Внизу помещались читальня и комнаты горного клуба, где стояли шкафы с образцами горных пород, ботаническими коллекциями и книгами краеведческого характера. На стенах висели карты, чертежи, рисунки; на полу и на полках – обрубки деревьев, растущих в лесах Кавказа, – каштанов, лавровишен и др.

– Это уже не мое, – сказала Ек. Пав. – Это владения Василия Константиновича. А там, – она провела меня на другую половину дома, – там у меня живут разные люди. Не могу же я одна заниматься целый дом...

И правда, как я потом узнала, у нее постоянно жили бесплатно приезжие учителя и учительницы, студентки и студенты, разный неимущий люд, приехавший в Сочи отдохнуть и подлечиться воздухом и морем. Жили каждый сам по себе, не стесняя друг друга, Ек. Пав. обслуживала себя сама (“терпеть не могу прислуг!”), я часто заставляла ее, [когда] она мыла на своей половине полы, наверху готовила свой несложный обед, главным образом из молока и фруктов, кофе и чая, потому что она мяса не ела, и все за собой убирала, не прибегая к посторонней помощи. В ее годы это было удивительно, и вообще она поражала своей необычайной живостью и проворством. Сколько раз она, бывало, сбегает вниз и обратно, чтобы достать какую-нибудь интересную книгу – все это с одушевлением, смехом, с румянцем на щеках, если посетители были особенно интересные и ей приятные.

Я уже говорила, что двери читальни и клуба выходили на веранду – очень памятна мне эта веранда! Обычно я приходила к Майковой часов в 5–6 вечера, библиотека была уже закрыта. Ек. Пав. угощала меня “электрическим чаем” – готовила его на электроприборе; сама садилась в клубе, под окном, а я – по другую сторону окна, на веранде, чтобы не душить Ек. Пав. табачным дымом (я тогда зверски курила), и вот начинались у нас тогда бесконечные беседы, часто до полуночи. Говорила больше она, и тут, в эти незабываемые ночные часы, из отрывочных рассказов и воспоминаний я почти целиком узнала историю ее жизни. По возвращении домой все записывала; к сожалению, книжка с записями, так же как и 13 писем Гончарова к ней³, пропали, когда я уехала из Воронежа во время революции, оставив квартиру на попечении знакомой – женщины-

врача и племянницы, 14-летней девочки. Зима была суровая, дров не было, и моими рукописями, письмами, даже книгами подтапливали печи. Никогда не могу равнодушно вспоминать об этом и чувствую себя виноватой перед памятью Майковой, что не могла сохранить того, что мне было доверено. Поэтому рассказываю ее биографию по памяти, хотя многое уже поблекло, а кое-что и забыто. Но с помощью друзей покойной – Азаровых⁴ и Подтынниковой, которые долго с ней жили, а также по литературным материалам, доставленным мне И.Н. Кубиковым и Б.П. [Козьминим], некоторые пробелы удалось заполнить.

Отец Екатерины Павловны был полтавский помещик из рода Искра⁵, игравшего роль в истории Украины. Мать ее рано умерла, и маленькая Катя росла на попечении няньки и дворни⁶. До семи лет не умела говорить по-русски, жила на полной свободе, среди крестьянских ребят, но однажды к ее отцу заехала его петербургская знакомая, графиня Репнина, увидела его чумазую, одичавшую дочку и пришла в ужас. Посовещались и решили, что девочку надо устроить где-нибудь в Петербурге, чтобы дать ей надлежащее воспитание, приличное ее дворянскому происхождению⁷. Остановились на близкой приятельнице Репниной, жене поэта Жуковского⁸; та согласилась взять девочку к себе, и Катя прямо из полтавского приволья, очутилась в Петербурге. Первые шаги ее там были неудачны: она тосковала о своих деревенских друзьях, часто плакала, говорила на непонятном языке, никто ее не понимал. Раз, на каком-то званом вечере, в гостиной полной публики, любимые собачки М-ме Жуковский, разыгравшись, стали теревить бахромку кресла, на котором сидела Катя. Она рассердилась на них и закричала на всю комнату:

– Прокляты собаки, чому вони за Кытыци чипляюца!

Это было так неожиданно среди чопорных французских разговоров, что все оглянулись на девочку и расхохотались. Катя обиделась, убежала в детскую и долго плакала там о своей родной, покинутой Полтавщине, где никто над нею не смеялся, все ее любили и понимали.

М-ме Жуковский занялась ее воспитанием. Катю принялись обучать всяким наукам, языкам, музыке, танцам, манерам – надо же было превратить деревенскую дикарку в светскую барышню. Дело пошло успешно: девочка оказалась способная, схватывала все на лету, развивалась, хорошеела, и приехавший через несколько лет из Полтавы отец с трудом узнал в изящной петербургской девице свою Катюшку. На нее уже стали обращать внимание молодые люди, а один из них, Владимир Николаевич Майков⁹, сын известного художника Николая Аполлоновича Майкова¹⁰ и брат поэта, в интимных беседах с М-ме Жуков-

ский, откровенно заявил себя претендентом на руку “полтавской хохлушки”, как называли ее в семье Жуковских. Ей уже шел 15-й год, и тут вдруг явилась неожиданная опасность в лице наследника, будущего Александра II. Жуковский был его воспитателем, но Александр часто бывал у него в доме¹¹. Он заметил хорошенькую девочку и однажды выразил определенное желание видеть ее фрейлиной при дворе матери. Жуковские переполошились; они прекрасно знали, что ожидает придворную фрейлину да еще при известном женолюбии будущего императора. В экстренном порядке был вызван отец, и на семейном совещании было решено выдать Катю за Вл.Н. Майкова¹². Свадебная суматоха, подарки, наряды, гости – все это сначала ей нравилось, ослепило, увлекло; был бал, был торжественный ужин, пили шампанское, но, когда она, опьянев от одного бокала, проснулась в чужой комнате, наедине с Майковым, которого привыкла видеть, как “гостя”, на нее напал страх, и она начала кричать:

– Ой, ридный татуню, ой, дэ жь ты сховался, хочю до дому!..

Но и “рідный татуню” и “рідный дом” были уже далеко.

Началась новая жизнь. По свойствам характеров и по темпераментам семья Майковых, как рассказывала Екатерина Павловна, резко делилась на две половины – М-ме Майкова¹³, не злая, но суховатая по натуре, строго придерживалась светских обычаев и тщательно следила, чтобы в доме все шло корректно, прилично, как у всех людей их круга. Поэтому “полтавская хохлушка” была под неустанным наблюдением – как бы она своей еще полудетской резвостью и южным темпераментом не нарушила чинной благопристойности дома. Каждый ее поступок, каждый промах немедленно отмечались и подвергались обсуждению и педагогическому воздействию. Николай Аполлонович, напротив, был добродушен, всегда весел, любил посмеяться, пошутить, и когда жена уже очень допекала невестку своими наставлениями, он неизменно заступался за нее:

– Не обижайте мою Катюшку! Ведь она еще маленькая деточка...

Они очень любили друг друга; Ник. Апол. часто уводил ее в свою мастерскую и писал с нее портреты. Я не помню точно даты, но Катерина Павловна говорила, что когда Н.А. Майков принимал участие в росписи Казанского собора¹⁴, на иконостасе, в картине, изображающей крестное шествие Христа, он написал свою молодую невестку в виде Вероники¹⁵, отирающей пот с лица Иисуса. Под пару доброму свекру был его младший сын, Валерьян¹⁶, – такой же экспансивный, живой и талантливый юноша. Екатерина Павловна сразу с ним подружилась и, вспоминая о нем, говорила со вздохом:

– Вот был бы для меня настоящий муж! И почему меня за него не выдали? Мы с ним сходились во всем, часто читали вместе, он выбирал для меня книги, читал свои произведения. Ведь я тогда была совсем темная, а когда он, бывало, мне что-нибудь рассказывает или разъясняет, я сразу точно из потемок на свет выхожу. Хорошо мне с ним было. Бывало, на даче, в Мариенгофе¹⁷, убежим вечером на берег моря, разуемся и бегаем по песку наперегонки, а то он декламирует Лермонтова, Пушкина, Гюго. Но мамаше не нравились эти прогулки; она всегда беспокоилась и посылала нас искать, звать домой. А там – кислая мина, выговор, неприлично так себя вести, бегать по ночам, точно мы тритоны какие-то или наяды. Валерьян рассердится, уйдет в свою комнату, хлопнет дверью, а я сижу в уголку, плачу. Дура была, ничего не понимала, а теперь думаю, она боялась, как бы мы не влюбились друг в друга. А может быть, и влюбились бы, если бы он не умер.

– Скажите, Екатерина Павловна, как случилась эта катастрофа?

– А мы сами не знаем как. Купался будто бы и утонул¹⁸. Тогда об этом много разговоров было, так же как после смерти Писарева. Говорили, что это дело рук III Отделения, хотели будто избавиться от талантливых и опасных врагов. Я этому не верю, очень грубо; от Чернышевского-то сумели отделаться. Помню только, что незадолго до этого ужасного события Валерьян был задумчив и чем-то обеспокоен. Я узнала, что у него были какие-то связи с революционными кружками, он по секрету от мамы давал мне читать запрещенные брошюры, к правительству относился враждебно. Конечно, мне как девчонке он не доверял вполне, но однажды при мне жег какие-то бумаги. Я спросила: “Зачем это?” Он сказал: “Могут прийти жандармы с обыском, надо уничтожить все подозрительное”. Вот после его смерти была такая версия, что он боялся ареста и покончил с собой. Это тоже неправда: не такой был человек Валерьян, чтобы бояться жандармов и тюрьмы.

Больше о Валерьяне она ничего не рассказывала; видимо, воспоминание о нем очень ее волновало, и она потом никогда не возвращалась к этой теме. У нее было несколько таких тем, которых она не любила касаться. Бросит два-три слова, отмахнется рукой и замолчит. И тут уже из нее ничего не вытянешь.

Муж ее, Вл. Ник., был человек совсем другого склада. Серьезный, вечно занятой, он никогда бы и не подумал лунной ночью, босиком, бегать по пляжу и декламировать стихи. Служил архиварием в петербургской Публичной библиотеке и дослужился впоследствии до генеральского чина и государственной пенсии, которую, после его смерти, получала жена. Издавал детский журнал

“Подснежник”¹⁹ и сам писал. Друзья-литераторы за его серьезность звали Владимира Николаевича “Стариком”; поэтому и его молоденькая жена получила прозвище “Старушка”. Майкова подарила мне фотографический портрет Гончарова именно с такой надписью: “Милой Старушке”. Муж ее любил, но не столько как товарища и друга, а скорее как “уладу жизни”²⁰. Она читала мне его письма, которые перед смертью сожгла; кроме нежных излияний и любовных воспоминаний ничего больше там не было. Сама же Екатерина Павловна особенно пламенных чувств к мужу не питала, она уважала его, немножко боялась – и только: ведь он был более, чем вдвое старше ее, да и по характеру они были разные люди.

– А каков был Аполлон Николаевич?

– Прекрасный, душевный, мягкий, но и как человек и как поэт, он был какой-то “комнатный”.

У Екатерины Павловны всегда были такие неожиданные словечки и оригинальные определения. Я засмеялась.

– Ну, вот – “комнатный”! Что же это такое?

– Ну как же это, вы – писательница, а не знаете? Есть такие певцы – и голос прекрасный, и петь умеют, а в большом зале их не слышно. Комнатные. Вот и поэты такие же бывают. Пушкины, Байроны, Лермонтовы – на весь мир гремят, а эти и хорошо поют, да в своем уголку, для немногих. Комнатные, комнатные... и много таких. Фет, Полонский, Майков... Эти вас не зажгут, не перевернут вам всю душу, а убаюкают, растрогают, приласкают. Да вот вам пример: помните стихи Полонского о Вере Фигнер? “Что мне она! – не жена, не любовница / И не родная мне дочь! / Так отчего ж ее доля проклятая / Спать не дает мне всю ночь!”²¹ Хорошее стихотворение, трогательное, всплакнуть можно, а разве поэт понял Веру Фигнер? Разве передал смысл и пафос ее борьбы, идею, которая увлекла ее на революционный путь, заставила забыть свою молодость, красоту, радость жизни, обрекла на смерть? Вот он называет ее долю “проклятою”, а она сама разве считала ее такой? Променяла бы ее на мирное, тихое житье? Нет, нет, для нее нужно другое перо, другие краски, а это что? Причитание! Надгробное рыдание... Комнатные, комнатные!

Как издатель журнала и брат поэта, В.Н. Майков имел обширный круг знакомств среди литераторов, и в определенные дни у него собирались многие из них²². Там бывал Тургенев; там же Екатерина Павловна познакомилась и с Гончаровым. Первая встреча²³ с ним прошла для нее бесследно: было много народу, очень шумно и пестро. Но он пришел на другой день; она была одна, сидела за роялем и пела модную в то время арию из оперы “Норма” – “Casta diva”²⁴. Гончаров сел около нее, просил продолжать, прослушал, поблагодарил и

ушел. Эту же партию у него поет Ольга в романе “Обломов”, который он тогда писал. После этого он стал часто бывать у Майковых²⁵, подолгу с нею беседовал, а если заставлял ее одну, каждый раз просил спеть ему “Casta diva”. Когда она уезжала за границу лечиться, он ей писал; в этих письмах никаких любовных признаний не было, но каждое было проникнуто нежным чувством дружбы, заботой о ее здоровье, теплыми воспоминаниями о прежних встречах, сообщениями о своей работе, литературными новостями.

– И Гончаров никогда не признавался вам в любви? – спросила я.

– Никогда. Да он, думаю, и влюблен не был. Это у нас только в шутку болтали. Скрытный был, неразговорчивый; придет, бывало, прослушает “Casta diva”, руку поцелует и уйдет.

– А вам он нравился?

– Да. Мне с ним было хорошо, просто. Но это не был герой моего романа, а скорее добрый, милый друг. Да и я, должно быть, интересовала его больше как тип молодой женщины, начитавшейся Жорж Занд, с мечтами о свободе, с неясными порывами куда-то идти, что-то делать для общего блага. Вот и все.

Некрасов тоже иногда появлялся в кружке Майковых. У него всегда был угрюмый, озабоченный вид; говорили о нем, что он любит деньги, весь ушел в наживу. Екатерина Павловна не верила этому. Ей казалось, что он переживает какую-то тяжелую душевную драму и старается изжить ее картежной игрой, спекуляциями, журнальной работой.

– Мне часто хотелось подойти к нему, – говорила она, – и спросить: “Николай Алексеевич, что у вас болит?” – такой у него бывал страдальческий вид. Но, конечно, я никогда бы не посмела разлететься к нему с такими вопросами, такие жуткие, больные у него глаза. Ведь он сам о себе сказал: “Нет казни мучительной той, которую в сердце ношу”²⁶. Да. Кровью писал. Слезами. Особенно люблю его “Рыцарь на час” и “Русские женщины”. Я не слезлива, но этого не могу читать без слез.

– А вот Тургенев не признавал в нем поэта²⁷. Называл его стихи жеваной прозой.

– Ну, Тургенев! Он не мог понять Некрасова, он не видел грязи ночлежек, нищеты и горя петербургских углов; для него цвели розы, пела Виардо. Даже крепостных мужиков в “Записках Охотника” он ухитрился разрисовать розовыми красками, не так, как Решетников своих Пилу и Апроську²⁸. Помните, есть у него один рассказ, “Малиновая вода” что ли, забыла. Сидят вечером на балконе барин и гость, тишина, благоухание, а где-то на конюшне кого-то секут. Чики-чик! Чики-чик!²⁹ И ничего. А напиши об этом Некрасов –

дух захватило бы от гнева. Нет, Тургенев и Некрасов мыслили и чувствовали по-разному, ни в чем они сойтись не могли. Я вспоминаю их у нас на вечерах. Бывало, ворвутся Тургенев и Григорович – сразу смех, шум, оживление. Оба красивые, здоровые, жизнерадостные. Тургенев великолепно рассказывал, необычайно живо, с тонким юмором, сам не улыбнется, а слушатели умирают со смеху. А Григорович – это был настоящий веселый бес! Шутки, анекдоты, прыгает, танцует, поет, любимая поговорка у него была: “Если хочешь быть счастлив, кушай-кушай чернослив!”³⁰. Когда Гончаров уезжал на [фрегат “Паллада”]³⁰, Майковы устроили ему прощальный вечер. Веселые были проводы. Пили шампанское, Григорович превзошел самого себя, произнес целую речь в шутовском духе, закончив обычным “черносливом” и пожеланием не очень увлекаться японками. А Аполлон прочел свое новое стихотворение об Анакреоне. – Екатерина Павловна продублировала его. Там изображалось, как девушки чествовали поэта. Он был уже стар, лыс и толст, а они несли его на носилках, увитых розами, славили, осыпали цветами. Юношам было обидно; они насмехались над девушками, кричали им: “Послушайте, как он безобразен, – дряхлый, пьяный, седой!” А девушки им хором пели:

Вы любить так не умели,
Как когда-то он любил...³¹

– Гончаров был очень растроган, обнимался со всеми и под конец, несмотря на свою сдержанность, прослезился. Без него у нас стало как-то пусто; особенно скучал Николай Аполлонович – он очень любил Гончарова. Мне тоже его не доставало; как запою, бывало “Casta diva”, так и вспомню его молчаливую, немножко меланхолическую фигуру и задумчивые глаза. Хороший он был... хотя и превратился потом в чиновника. Ведь он и сам предсказал это в своем романе “Обыкновенная история”.

Лесков тоже бывал у них, Майкова его не любила.

– Весь он был какой-то сладкий, липкий, точно медовый пряник. А глаза недобрые, подстерегающие, и всегда подмаргивал, подхихикивал, точно хотел сказать: “Вы мне не верьте, я это нарочно”. Да ему и не очень верили. Его роман³² наделал большого шума; очень интересный, талантливый, но его ругали за то, что Лесков в карикатурном виде изобразил там Слепцовскую коммуны³³, самого Слепцова и княжну М[акулову]³⁴ в образе нелепой Бартольдиньки. Говорили, что его самого оттуда выгнали, вот он и обозлился. Не знаю. Но, конечно, он много наврал; я сама была в одной коммуне³⁵; ничего там не было ни плохого, ни неприличного, только скучно, я скоро оттуда ушла. Там в это же время жила Екате-

рина Степановна Гаршина³⁶, мать Всеволода. По правде сказать, мы с ней не очень дружили.

– Почему? Это очень интересно, расскажите о ней и о коммуне.

– Нет! – отмахнулась Екатерина Павловна. – Ничего интересного, скучно, – и замолчала. Это значило, не нужно спрашивать: вспоминалось что-то тяжелое, неприятное, о чем не хотелось вспоминать. Таких темных мест в ее биографии было несколько; например, для меня навсегда остались невыясненными ее отношения с великим князем Константином Константиновичем³⁷, о котором говорили, что он ей очень покровительствовал и даже, благодаря его советам и помощи, она очутилась в Сочи. Сама она ничего об этом не говорила, только раз как-то упомянула его имя, но потом я никогда больше о нем не слышала. Очевидно, были в ее жизни такие моменты, которые ей хотелось бы вычеркнуть из памяти, а я никогда не приставала к ней с расспросами, ждала, когда она сама начнет рассказывать. Поэтому, может быть, она относилась ко мне с таким доверием и охотно посвящала меня в самые интимные страницы своего романа.

– Екатерина Павловна, – спросила я ее однажды. – Почему вы не напишите своих воспоминаний? Ваша жизнь была такая богатая. Вы столько пережили интересного, знали замечательных людей, у вас были такие друзья, как Гончаров, Валерьян Майков.

– Ну вот еще, выдумали! Во-первых, я писать не умею, а потом и не хочу. Скажут: все врет старуха! Вон Авдотья³⁸ написала целую книгу, а как ее критиковали. И правда, много наврала. Тургенева как раскрасила: и хлыщ, и фат, и враль, – ни крупинки правды. Он был настоящий рыцарь, обаятельный, великодушный, вовсе не фат и не враль. А вот про себя не написала, как она своих мужчин мучила.

– Каких мужчин?

– Да всех – и Панаева, и Некрасова, и Добролюбова³⁹. Вакханка.

– Она у вас бывала?

– Да, как же, она за Некрасовым везде бегала. Ревнивая была, злая, настоящая вакханка. Ей бы тигровую шкуру на плечи, венок из винограда, тамбурины в руки – и танцевать с сатирами.

– Но она очень любила и Некрасова, и всех его друзей – Чернышевского, Добролюбова. Хорошо о них писала, – заступилась я за Панаеву-Головачеву. Но Майкова была беспощадна и отношение к “Авдотье” было у нее самое суровое. Правда, нрав у нее был строптивый: уже если кого не взлюбит, то всерьез и навсегда. Обычно ласковая, приветливая, если кто ей не нравился, с теми она не церемонилась, становилась даже груба. Раз ввалилась в читальню довольно почтенная и груз-

ная дама. Изнемогая от жары, вся потная и горячая, она с порога бурно набросилась на Майкову, приняла ее в свои душные объятия, назвала “милочкой”, чего та терпеть не могла, расцеловала в засос и громогласно возвестила, что она “так рада, так рада познакомиться” и что, может быть, “милочка” посоветует ей хорошенькую книжечку – она ужасно любит читать, и т.д. Оглушенная потоком слов, Майкова молча слушала эти изливания, но по собранным в оборочку губам видно было – сейчас разразится гроза. Так оно и вышло. Когда толстуха кончила и готовилась снова ее обнять, Екатерина Павловна слегка отстранилась и спросила хмуро:

– Скажите, сколько вам лет?

Дама оторопела и вытаращила на нее глаза.

– Я думаю, у вас внуки есть, – продолжала Майкова. – Вы должны им советовать, что читать, а вы сами просите, чтобы вам выбрали “хорошенькую книжечку”. Ребеночек вы, что ли?

Растерянная толстуха лепетала что-то невнятное и в расстройстве чувств потянула к себе лежащую на столе книгу – “Без догмата” Сенкевича:

– Ну, я, пожалуй, возьму вот эту...

Но Майкова бесцеремонно отобрала у нее книгу и положила обратно:

– Нет, эту я вам не дам. Вы все равно в ней ничего не поймете.

Наступило неловкое молчание, потом толстуха, пыхтя и обливаясь потом, выкатилась из читальни и больше никогда не появлялась. Мне даже жаль ее стало, а Майкова сказала:

– Ну, скажите, ну, зачем ей Сенкевич? Ведь она, наверное, фамилию его никогда не слыхала, а тащит, что под руку попало...

В другой раз при мне такой же участи подверглась молодая, сильно напудренная и раскрашенная особа. Веселой бабочкой она развязно влетела в читальню и с восторженным аханьем закружилась вокруг стола.

– Ах, как у вас мило! Ах, какие чудные розы! А чей это портрет? Ах, сколько у вас книг!.. Дайте мне что-нибудь почитать!

– У меня нет “что-нибудь”, – отрезала Майкова и ушла наверх.

– Какая странная старуха! – удивилась дамочка. – Ненормальная, должно быть? А мне сказали, она дает книги...

О таких “читателях” Майкова говорила прерзительно:

– Им нужна “Ванькина литература”.

– Что это за “Ванькина”? – засмеялась я.

– А это в 30–40-х годах был такой писатель, Сенковский, писал под псевдонимом барона Брамбеуса. Он издавал журнал “Библиотека для чтения”, и вот, просматривая произведения, по-

ступавшие в редакцию, он плохие бросал под стол и говорил своему лакею: “Ванька, это твоя литература”.

Об этом же бароне Брамбеусе она была очень нелестного мнения, как о писателе и критике.

– Он был из породы таких же зоилов, как Фаддей Булгарин. Талантливый, перо у него было злое, меткое, но писал часто отвратительные глупости. Когда появился “Герой нашего времени”, он обругал и книжку, и автора⁴⁰. Лермонтова назвал “каким-то гусарским корнетом” и издевался над Печориным. “Ну, кому нужны любовные похождения пехотного офицеришки, пошлого ловеласа, покорителя женских сердец”⁴¹? Я Лермонтова любила, и когда прочла эту гадость, так обозлилась, что забросила книжку и никогда больше не брала в руки “Библиотеку для чтения”.

Учащуюся молодежь, рабочих, педагогов, писателей Катерина Павловна встречала иначе. Она вся сияла, расцветала улыбками, без устали бегала то наверх, то вниз, показывала новинки, делилась впечатлениями от прочитанного, рекомендовала прочесть то или это и радовалась, когда мнение посетителя о какой-нибудь книге совпадало с ее собственным. Память у нее была поразительная; она всегда могла указать, что, где и когда было напечатано. Почти накануне войны 1914 г. мы устраивали вечер в память Чехова⁴² и понадобилось прочесть стихотворение, посвященное ему. Никто не помнил такого; я обратилась к Майковой, она сейчас же побежала наверх, разыскала “Русскую мысль”⁴³ и нашла то, что было нам нужно. Смело можно сказать, что дом Екатерины Павловны Майковой был в Сочи центром народного просвещения. Да и не только в Сочи... По воспоминаниям врача Н.С. Азаровой, которая еще девочкой жила у Майковой, она устраивала библиотечки по Черноморскому побережью, в поселках Лазаревское, Головинка и др., собирала и покупала книги, привозила из Петербурга, куда ездила каждую зиму, вообще проявляла самую неугомонную деятельность. Азарова говорила, что Майкова не только с нею, но и с другими подростками сама читала, выбирала книги и прививала вкус к литературе. Мне известно, что двум девочкам, дочерям рабочих, которые у нее жили, она помогла поступить в гимназию, платила за них, следила за их учебой, и одна из них теперь где-то профессором. А о скольких мы не знаем, потому что она терпеть не могла говорить об этом!

Кто из посетителей особенно приходился Майковой по душе, к тем она проявляла особенное радушие. Водила их наверх и показывала все свои книжные богатства, вела с ними долгие душевные беседы, угощала виноградом и грушами из своего сада и никогда не отпускала без великолепного букета роз. Я помню, как мы с Таном-Бо-

горазом⁴⁴ уходили от нее увешанные с головы до ног гроздьями винограда, точно древние греки с какого-нибудь вакхического праздника. Она сама ухаживала за своим садом, поливала, обрезывала, сажала и не столько сама пользовалась фруктами и цветками, сколько раздавала. Бывало, сама притащит лестницу, приставит к дубу, по черкесскому способу обвитому виноградными лозами, и оборвет самые лучшие гроздья с ветками. Тан восхищался Майковой:

– Удивительный экземпляр женской породы! Сколько ей – лет 80? А жизнь так и кипит, точно в 18! Вот, опишите ее.

– А почему не вы?

– Ну, я не умею о женщинах писать. Это не мой жанр. Я так “очукчился”⁴⁵, что могу писать только всякую чертовщину. Не даром меня зовут “Бог-а-раз, а черта с два”.

И действительно, вскоре он выпустил в свет огромный роман из египетской жизни “Крылья Икара”⁴⁶, где было много “всякой чертовщины”. Но Тан очень гордился этим романом и говорил: “А вы попробуйте-ка написать что-нибудь подобное! Я, можно сказать, всю древнюю историю перерыл”. Однако роман оказался скучным и особого успеха не имел. Его мало кто читал, а Майкова смеялась: “И что это Владимиру Германовичу вздумалось в наше бурное время (1905–6–7 годы) взгромоздить такую египетскую пирамиду!...”

Но возвращаясь к ее биографии.

С Чернышевским ей не приходилось встречаться, но “Что делать?” она прочла и увлекалась им, по ее словам, “до бреда”. Хотела идти на казнь его⁴⁷, не пустили: неприлично было жене чиновного лица и матери семейства бегать по лобным местам и выражать сочувствие государственному преступнику. Она горько плакала и завидовала Людмиле Михаэлис⁴⁸, будущей жене Н.В. Шелгунова, которая бросила на эшафот букет цветов⁴⁹.

– Подлый был человек Александр II! – возмущалась Екатерина Павловна. – Прославили его “освободителем”, а какой он освободитель? Бабник, лицемер, мстительный и жестокий. Сколько народу, цвет молодежи, уморил в Сибири, в Шлиссельбурге и Петропавловке. Крестьянство посадил на нищенский надел. А Лесков – подхалим, разукрасил его как небесного херувима⁵⁰. Даже в собственной семье его терпеть не могли, мне Константин Константинович говорил. (Это было в первый и последний раз, когда она упомянула имя великого князя.) А как он третировал свою жену, несчастную Марью Александровну⁵¹! Откровенно развратничал, на глазах у всех. Рассказывали очевидцы, что в Москве, на балете, где выступала танцовщица Собещанская⁵², когда она делала последние пируэты, Александр встал в

своей ложе, распахнул шинель, и она прямо со сцены перелетела в его объятия, он окутал ее шинелью и увез из театра. Это уже не просто разврат, а какой-то цинизм, разнузданность.

Майкова была уже матерью двоих детей⁵³, когда в жизни ее совершился большой перелом: она ушла от Майковых.

– В “обрыв”? – спросила я.

С оттенком грусти она кивнула головой и постепенно, в отрывках, рассказала мне, как это произошло.

Ехали они с мужем по Волге, и где-то около Самары или Саратова в числе пассажиров оказался здоровенный рыжий парень пролетарского происхождения⁵⁴. Познакомились, разговорились. Парень ехал в Петербург поступать в Университет, а курс кончил только в городском училище. Предстояло держать экзамен на аттестат зрелости, без чего ходу никуда не было, но парень не унывал и выражал полную уверенность, что выдержит и поступит в Медико-Хирургическую Академию. Майковы, особенно Екатерина Павловна, заинтересовались и обещали свое содействие. В Петербурге их новый знакомый – фамилия его была Любимов – скоро сделался у них в доме своим человеком. С ним занимались знакомые Майковых, студенты; он был способный, быстро подготовился к экзаменам, успешно выдержал, поступил в Академию и кончил курс врачом. И Екатерина Павловна покинула свою семью.

Сначала они жили почему-то около Сочи, в Уч-Дере⁵⁵, где был Институт для слабогрудых благородных девиц санаторного типа; устроиться там им будто бы помогал Константин Константинович. Сколько там продолжалось их сожитие и почему Майкова ушла от Любимова, – это так и осталось для меня неразгаданным: она не говорила, а в Сочи никто ничего не знал⁵⁶. Из Уч-Дере она уехала в Севастополь и открыла там библиотеку; этот период ее жизни был также мало освещен, как пребывание в Уч-Дере. Только изредка, как бы мимоходом, особенно, когда была не в духе, вспоминала Севастополь, из чего я вывела заключение, что там у нее не все шло гладко, и разыгрался новый неудачный роман с каким-то Старком, который будто бы, по шептаниям сочинских кумушек, завладел ее библиотекой и бессовестно ее эксплуатировал. Было это или не было – неизвестно, но ее суждения о мужчинах и их отношениях к женщинам отмечались всегда горечью, были проникнуты сарказмом разочарования, точно ей самой пришлось быть ими обманутой или оскорбленной. Когда одна из студенток, живших у нее, выходила замуж, Екатерина Павловна говорила:

– Жаль мне ее. Она хорошая, талантливая, а замужем заглохнет. Может быть, и он хороший,

но я по опыту знаю, что самые лучшие мужчины все-таки всегда будут считать себя господами жизни и на женщин смотрят сверху вниз. Какое-нибудь ничтожество, глуп, как пробка, а посмотрите, все-таки воображает, что умнее жены, поворит вытеснить ее, стать на первое место.

И вот случилось, навестит ее какая-нибудь молодая парочка, из тех, которые у нее когда-то жили. Ее все любили: придут, принесут фруктов, сластей, цветов, посидят, поболтают, а уйдут, она с иронией говорит:

– Ну, вот видели! Ведь она умнее его, читала много, хорошо читала, слышали, как о “Фаусте” говорила, а он ее на каждом слове одергивает: “Помолчи, Шурочка, ты этого не понимаешь... Постой, Шурочка, дай мне сказать, ты не умеешь объяснить...” А я знаю, что она и понимает, и умеет гораздо лучше его. Так ведь и затолкает ее, и оттеснит на задний план, вот увидите! Если только она не опомнится от любовного угара и не поставит его на свое место... – при этих словах Майкова так энергично жестикулировала своими маленькими кулачками, таким огнем горели ее глаза, что ясно было: уже своих-то мужчин она умела ставить на место!

Однажды мы разговорились о Жорж Занд, и она снова перешла на видимо больную для нее тему об отношении мужчин к женщинам.

– Гениальная была женщина эта Аврора, большой ум, большое сердце, наши лучшие писатели, Достоевский, Салтыков-Щедрин, воспитывались на ее произведениях, а кто из ее друзей оставил о ней правдивые, искренние воспоминания? Никто! А ведь любили ее, страдали из-за нее, может быть, она дарила им такие минуты, каких забыть нельзя, и ни один теплого слова ей не оставил. Мюссе, этот истерический алкоголик, написал о ней скверную книгу, где себя изобразил кротким барашком, а ее хищной тигрицей. Шопен, после разлуки, ограничился музыкальным посланием, полным любовного сожаления – больше ничего. О супруге ее, Дюдеване, и говорить нечего: он был мещанин и третировал ее помещански, вероятно, и не понимал, кто она была. Нет, нет, не спорьте со мной! – горячо возражала она мне, когда я пыталась защитить мужчин. – Все они рыцари до поры до времени, особенно, если женщина красива. Тургенев – уже какой был джентльмен, как не преклонялся перед “вечной женственностью” и сам у Виардо под башмаком был, а женщин-писательниц называл “мордимондиями”. Стало быть, и для него в женщине не талант был главное, не ум, а мордимондия! Нет, я хоть и не суфражистка, а мужскую психологию знаю, все они хороши!

– А Гончаров? – поддразнила я ее. Она немного задумалась, потом тихо сказала:

– Гончаров был особенный. У него был какой-то свой внутренний мир, куда он никого не пускал. Мы его знаем только по его книгам, а как он жил, кого любил, – это так и ушло в могилу.

Фамилию Старк мне пришлось услышать еще раз. Прихожу к Екатерине Павловне, от нее выходят гости: очень красивый молодой человек южного типа, нарядная дама, тоже красивая, и прехорошенький мальчик лет 10. По красным пятнам на щеках, по блеску глаз я догадалась, что Майкова очень взволнована. На веранде они простились, расцеловались; я слышу, гость говорит: “Прощай, мамочка, мы еще придем!”. Вхожу в библиотеку, она вся завалена цветами, свертками, коробками конфет; на одной – бумажка, и детским почерком написано: “Милой бабушке от внука”. Вошла Екатерина Павловна, возбужденная, улыбающаяся: “Старки... Вспомнили, навести. Мальчик славный; говорит: “Приезжай, бабушка, к нам, тебе у нас хорошо будет”. Я молчала; мне все было понятно. А она раскрыла коробку и стала угощать меня конфетами.

От Майкова у нее было двое детей – сын и дочь. Дочь умерла, остался сын [дочери – Т.С.]⁵⁷. Он был мичманом на “Ослябя” и погиб в бою при Цусиме. Она очень любила его, горевала о нем⁵⁸.

– Хороший был, веселый и смелый. Если бы дожил до 5-го года, был бы в первых рядах революции.

А о сыне, Владимире Владимировиче⁵⁹ говорила с гримасой:

– Чиновник! Настоящий Майков.

По зимам ездила к нему в Петербург, где, как и отец, он служил архивариусом в Публичной библиотеке. В августе же и сентябре он приезжал к ней гостить. Она, бывало, говорит с улыбкой: “Ну, желтые жуки появились, скоро Вовушка приедет!”.

– Что же, это приятно, Екатерина Павловна. Вам веселее будет.

– Веселее? Откуда вы взяли? Да с ним скупища смертная! Говорить не о чем. Читает только “С.-Петербургские Ведомости” да “Правительственный Вестник”⁶⁰ – кого куда назначили, кто орден получил, куда высочайшие особы поехали. А для развлечения на сон грядущий разве романы Болеслава Маркевича прочтет или вот еще какого-то идиота [Позняка]⁶¹ “Сквозь огонь страсти”. Даже в руки противно взять. А вы говорите – весело...

Раза два я видела этого “Вовушку”. Правда, от него за версту веяло смертельной скукой. Маленький, высохший какой-то, облезлый и совсем бесцветный⁶². Во время Империалистической войны, вдруг, она получает от него извещение, что он женился⁶³, “и теперь, пожалуй, у него в квартире будет тесно...”

– Очень не тонкий намек, чтобы я больше к нему не ездила! – с горьким смехом сказала Екатерина Павловна. – И не поеду. Напишу ему, чтобы не беспокоился, не буду мешать его семейному счастью. Только пусть выйдет мне мои вещи – книги, белье, платье, а главное – мой портрет, который писал покойный Николай Аполлонович.

Написала, и мы стали ждать этого портрета. Наконец, вещи были получены, несколько ящиков. Я и друзья Майковой, мать и дочь Азаровы, пришли помогать распаковывать. И тут мы убедились, что Вовушка был не только скучный бюрократ, но и непорядочный человек. В ящиках была кое-как напихана разная рухлядь: рваные простыни, старые башмаки, растрепанные книги и газеты – ни белья, ни платья, ничего!

– Даже шубы не прислал, – сказала Майкова. И с обычным своим юморком добавила: Зачем? Ведь меня не приглашают приехать, значит, и шуба мне уже не нужна. А молодой жене пригодится!

Но мы были возмущены и, в отсутствие Екатерины Павловны, всласть отругали милого Вовушку, так бессовестно, вплоть до рубашки, обобравшего родную мать.

Дошло дело до портрета. Он был большой: вместе с рамой 3/4 метра в длину и 1/2 метра в ширину. Майкова, не дожидаясь, когда мы его вынем, разволновалась и убежала к себе наверх. Мы поняли, что его видеть и сравнить, чем она была и что стала теперь, ей очень тяжело. И правда, он был очень хорош. Майков-отец изобразил ее библейской Ревеккой у колодца⁶⁴. Смуглая девушка, во цвете юности и красоты стояла с кувшином и смотрела вдаль, где в знойном тумане пустыни маячили смутные силуэты верблюдов. Черные волосы тугим узлом закручены на затылке; большие глаза полны боязливости и в то же время страстного ожидания. Мы долго стояли перед портретом. Да, вот такая она была! Не даром Гончаров целые часы молчаливо просиживал перед нею и Александру II хотелось видеть ее придворной фрейлиной... Этот портрет Екатерина Павловна подарила Азаровым, и они увезли его в Харьков, где у них был свой дом. Но там его постигла та же участь, что и гончаровские письма. Во время Гражданской войны, когда Харьков переходил из рук в руки, вероятно, и дом Азаровых неоднократно подвергался вторжениям, и когда Азаровы вернулись туда, то не нашли портрета, всякие следы его исчезли⁶⁵. В те бурные времена, когда вихрь величайшей в мире революции носился над развалинами Российской империи и сама человеческая жизнь ежечасно была под угрозой смерти, некогда было думать о сохранении вещей и реликвий. У меня лично на память о Екатерине Павловне уцелело только то, что оставалось в Сочи на попечении Гр. Евг. Грекова:

фотография Гончарова; образ Екатерины Великомученицы, писанный на доске Н.А. Майковым с Екатерины Павловны, когда она была еще девочкой; ее визитная фотография, снятая за границей⁶⁶; очень закопченная фотография Майкова-художника; книга Е. Ляцкого⁶⁷ и книга записей книг, которыми пользовались многочисленные посетители ее библиотеки. Вот и все.

Для меня долго оставались загадочными отношения между Майковой и В.К. Константиновым⁶⁸, пока и по ее некоторым отрывочным словам, и по собственным наблюдениям я не убедилась, что это ее третий сын – от того, кто увлек ее в “обрыв”. Весь его внешний облик подтверждал эту догадку: он был довольно высокого роста, коренастый, с рыжеватой копной волос и такой же бородой, размашистый в движениях и мужиковатый в обращении. Образ жизни вел самый демократический, ходил всегда в потертой форменной тужурке инженера-строителя, в таких же брюках, в чуваках на босу ногу, в форменной фуражке с традиционным значком: молоток и кирка. На стройке Краснополянского шоссе жил с рабочими в одной палатке, ел из одного котла; они его любили, говорили о нем: “Это не инженер; а наш брат”. Особенно восторженные отзывы я слышала о нем от турка Османа, который работал у него на стройке шоссе, и потом жил в Кр. Поляне и был нашим неизменным проводником на вершины Ачишхо, Псеашхо, озеро Кардывач и др. У Константинова была избушка на берегу буйной горной реки Мзымты, в Кр. Поляне; он охотно разрешал туристам делать в ней привал. Там мы с ним и познакомились, и, несмотря на свой суровый вид, он нам очень понравился. Когда я передавала Майковой, что о нем говорят рабочие и Осман, она всегда сияла, но притворялась равнодушной и небрежно, на ходу, говорила: “Ну да, он такой!”. Константинов исколесил весь Кавказ и пешком и верхом; о нем не редко можно было слышать: “Василий Константинович ушел в Пятигорск... На Фишт... Через [Клухорский] перевал, в Сухуми...” и т.д. Он любил Кавказ, хорошо знал его историю, борьбу с царизмом и, когда сопровождал экскурсии Горного клуба, мы с захватывающим интересом слушали его рассказы. Человек был незаурядный, но меня удивляли странные отношения между ним и Майковой. Бывал он у нее очень редко; в промежутках между его визитами она не любила о нем говорить, если же говорила, то с раздражением, отмахивалась, слыша его имя, и как бы мимоходом бросала: “Бродит где-нибудь, ему ведь все нужно, либо водопад или ледник новый открыл, либо необыкновенный минерал какой-нибудь...” Зато в редкие часы его посещения она преображалась. Бывало, придешь к ней в это время, она выбегает навстречу – щеки и глаза горят, на губах нежная, радостная улыбка... “Приходите в другой раз, у меня Василий

Константинович!” Поэтому как только увижу в окно рыжие волосы и суровый профиль, так поворачиваю обратно. Случилось раз, не заметила его, разлетелась в библиотеку, он там. Сейчас же встал, сунул мне руку и исчез. Точно они стыдились показать свою близость, а ведь оба любили друг друга. Долго я ничего не могла понять в этой психологической драме, пока не разъяснил мне ее Е.М. Гаршин⁶⁹. Я была хорошо знакома с ним и его матушкой; одно время мы даже переписывались. После 1905 г. я читала в Воронежском Народном Университете лекции и, между прочим, о Всеволоде Гаршине. Была с этой лекцией в Ростове н/Д, и Евгений Михайлович пригласил меня прочесть ее в Таганроге, где был директором Технического училища. Прожила я у него двое суток, много беседовали, вспоминали живых и умерших, я рассказывала о Сочи и упомянула о Майковой, о ее странных отношениях с Константиновым.

– Ну так это и понятно, – сказал Евгений Михайлович. – Ведь она, когда разошлась с Любимовым, привезла ребенка в Петербург, бросила его на попечение чужих людей, а сама усакала в Севастополь. Матушка покойная разыскала его в большом забросе, устроила у своих друзей. Очень возмущалась поведением Майковой.

– А вы не допускаете, что она сама была в тяжелом положении после разрыва с Любимовым?

– Не знаю. Я ведь никогда ее не видал, это все дела давно минувших дней, когда еще устраивались коммуны и мастерские, как у Веры Павловны в “Что делать?”. Этот Любимов жил в коммуне, где была и матушка. По его словам, он был очень даровитый человек и хороший доктор, а потом пошли слухи, что на Кавказе он стал пить, ревновал Майкову, будто бы даже ее бил. Было это или не было, но ведь ребенок-то не виноват, а она его бросила. Мама называла ее кукушкой, которая кладет яйца в чужие гнезда.

– Трудно судить чужие дела, – сказала я. – Почему все так вышло, неизвестно, а он тоже хорош, даже не усыновил ребенка, не дал ему имени.

– Да, это правда. Говорили, что крестил его Константин Константинович Романов, поэтому ребенку и дали имя, отчество и фамилию по крестному отцу. Мальчик оказался с большими способностями, отлично учился, а тут и она явилась, предъявила свои родительские права и хотела его взять. Он отказался. Разве можно забыть, как она с ним поступила? Оттого, вероятно, и отношения у них странные. Она сознает свою вину перед ним и хочет загладить ее, а он, хотя и принимает ее любовь и раскаяние, но о своем заброшенном детстве забыть не может.

Рассказ Гаршина многое мне разъяснил⁷⁰; все же обвинять Майкову я не могла. Правда ведь, де-

ла были давно минувших дней, притом все эти интимные драмы происходили между немногими лицами, на Кавказе, что там было, кто прав, кто виноват – разве это возможно знать? Я очень любила Екатерину Степановну Гаршину, но, несмотря на ее резкие отзывы о Майковой, для меня Екатерина Павловна навсегда осталась такой же великодушной, бескорыстной и правдивой, какой я знала ее много лет и такую же проводила в могилу. Характер у нее был строптивый; сгоряча она могла кого-нибудь обидеть, терпеть не могла глупости, подлости, подхалимства и если уже с кем-либо расходилась, то имея на это основания и факты. О ней же самой я ни от кого не слышала дурного слова, а по архивным данным, сообщенным мне б. секретарем журнала “Каторга и ссылка” Б.П. [Козьминым]⁷¹, и прошлое ее было безупречно: в ранней молодости она привлекалась III Отделением к дознанию о сборе денег на поддержание стачки бельгийских рабочих, организованной I Интернационалом, а ее друг, Любимов, за связь с кружком Нечаева в 1869 г. был выслан из Петербурга, и она уехала с ним, покинув Майковых. Имеются в архиве сведения, что и в 1882 г. он принадлежал к студенческой организации Красного Креста партии Народной Воли; несомненно, и Екатерина Павловна разделяла его убеждения. Все эти отрывочные факты, зафиксированные историей, дают определенную окраску ее образу, а биография и вся последующая жизнь ставят ее в ряды интереснейших типов русских женщин.

Бурные годы – 1905–6 – я провела вне Сочи, и свиделись мы с Майковой только в 1907 году. Я нашла ее в приподнятом настроении; она восторженно рассказывала о том, как протекали в Сочи революционные дни⁷²; с большим пафосом и юмором изображала, как для ликвидации революционного движения приходили сюда миноноски, и в них стреляли за неимением снарядов гвоздями, с горы Батарейка, из старой пушки времен завоевания Кавказа; как был арестован начальник округа Розалион-Сошальский и много других трагических и комических эпизодов. Но последующая столыпинская реакция – казни, виселицы, тюрьмы – подействовали на нее угнетающе; многие ее знакомые и посетители библиотеки – в том числе братья Жилинские, Франштейн⁷³, Каракат и др. – были в тюрьме или в ссылке, она как-то увяла, сжалась, и последующие события, война, потом революция, ее испугали.

В начале 20-го года, приехав в Сочи, я встретила ее уже не такой бодрой и жизнерадостной, как всегда. Она сильно упала духом и сама говорила, что ее не так уже радует, как обычно, наступление нового дня. «Прежде, проснувшись, я отворяла окно и приветствовала утро словами “Слава тебе, показавшему нам свет!” или декламировала Пушкина: “Да здравствует солнце, да скроется

тьма!». А теперь... настает день – и ждешь нового кровопролития, новых ужасов... Не хочется жить!».

Я старалась рассеять эту меланхолию, убеждала ее, что 5-й год – было начало, а теперь настоящая революция, в которой принимает участие весь народ – рабочие и крестьянство; что теперь – победа за нами, к прошлому возврата нет, ну, она повеселеет немножко, а потом снова впадает в уныние. Годы брали свое... Шла ожесточенная Гражданская война; события следовали одно за другим; Сочи сделались ареной борьбы партий за власть. Большевики сменялись меньшевиками-грузинами; город переходил от красных к белым, от белых к зеленым, и последним актом великой трагедии было прохождение отступающей под натиском революции 68-тысячной армии Шкуро, Хвостикова⁷⁴ и др. с верблюдами, с обозами награбленного добра, кубанцами, астраханцами, дикими дивизиями... Гремела пушечная пальба, трещали пулеметы, у берегов появились английские транспорты, выгружали продовольствие и обмундирование для казачьих войск. Все цвело, был май, а по улицам бродили голодные лошади и верблюды, скакали казаки в красных башлыках, с изображением черепа на повязках, толпились под окнами и на дворах, просили хлеба, которого в Сочи давно не было, тащили коз, коров, гусей. Дикая дивизия занесла из степей холеру, среди нее началась смертность, трупы валялись на пляже, их никто не убирал. Нашествие шкур-овских полчищ не миновало и чудесного сада Майковой. Все было поломано, потоптано; под деревьями горели костры, резали лошадей и тут же варили мясо в котлах; день и ночь слышались песни, свист, ругань, ржание лошадей. Екатерина Павловна увидела весь этот разгром в окно своего тамбура и сказала: «Ну, теперь все кончено. Надо умирать». Спокойно легла в постель, и началось тихое, медленное умирание. Не было ни боли, ни страданий; ничто уже ее не тревожило, не волновало, современность потеряла для нее всякий интерес, зато прошлое вставало перед ней с поразительной яркостью, и она без конца рассказывала один за другим эпизоды из своей жизни, вспоминала умерших друзей, декламировала стихотворения Пушкина, Лермонтова, Гейне, Гюго и других. Ее навещали много знакомых и друзей; она постоянно была окружена [людьми] и всех принимала приветливо, со своей очаровательной улыбкой, без всяких жалоб, стонов, истерик. Я ходила к ней каждый день, просиживала до поздней ночи, она не отпускала. Скажешь ей: «Екатерина Павловна, уже поздно, я пойду, а вы отдохните». Держит за руку: «Нет, нет, подождите еще немного, теперь уже мне недолго осталось...» Очень ждала Василия Константиновича. Его в Сочи не было; он давно уехал в Новороссийск и задержался там. Это ее беспокоило; каж-

дый день она спрашивала: «Не вернулся еще?» И получив ответ: «Нет еще, Екатерина Павловна!» – вздыхала.

Тем временем, после недолгой пальбы, шкуровцы ушли, Сочи было занято советскими войсками и партизанами⁷⁵. Город приводился в порядок; зарывали павших от голода лошадей и верблюдов, трупы умерших от холеры и сыпняка, налаживалась доставка продовольствия. Я сообщила об этом Майковой, она обрадовалась:

– Ну, вот, хорошо, теперь наверное Василий Константинович вернется скоро. Когда он придет, а меня уже не будет, передайте ему часы, которые он у меня оставил, когда уезжал. И снимите с меня ладанку; там у меня зашито несколько золотых, я берегла их, чтобы уехать из Сочи, отдайте тоже ему.

Я обещала.

В последний раз засиделась у нее до часа ночи. Все кругом уже спали; шумело море, летали светлячки, она все говорила. Очень смеялась, вспомнив смешной случай на одной конспиративной сходке, помнится, во время высылки Чернышевского. Собрались по особым приглашениям где-то на Петербургской стороне. Квартирка была маленькая, народу много. Раздеваясь, валили верхнюю одежду на пол в передней. Когда расходились и начали разбирать пальто, под ним оказался спрятавшийся человек – Суворин, тогда еще молодой, писал под псевдонимом «Незнакомец»⁷⁶. Его побили и спустили с лестницы. Так он поплатился за свое репортерское любопытство. Мы посмеялись; потом она начала слабеть. Я собралась уходить, она не пускала: «Ну, еще немножко... Может быть, придете завтра, а я уже «исчезну, утопая в эфире неба голубом». Но, наконец, я все-таки ушла: время было беспокойное, ходили патрули, могли задержать. А утром, выходу на веранду – бежит студент Четвериков, один из живших у Майковой:

– Екатерина Павловна приказала долго жить. Идемте!

И тут я горько пожалела, что не осталась у нее до конца. Около нее дежурила тетушка студента – «всеобщая тетя», как мы ее звали; по ее словам, Екатерина Павловна заснула тихо и спокойно, да так и не проснулась больше. Доктор Подгурский⁷⁷, ее давний знакомый, который все время ее навещал, констатировал смерть и сказал: «Вот так и должна быть естественная смерть. Устал человек, иссякли все жизненные силы, лег – и уснул навсегда, без боли и страданий».

Когда я пришла, около покойницы уже находилась подруга Константинова Е.Н. Толоконникова⁷⁸, сочинская домовладелица, у которой он последнее время жил. Она рассматривала ладанку, снятую с Майковой. Там оказалось три золо-

тых, карточка ее и записка: “Я сегодня к Вам приду. В. Константинов”. Вот и все наследство. Толоконникова карточку отдала мне, а золотые и записку взяла. Я передала ей часы. Она подумала – и тоже отдала мне. Они и до сих пор у меня.

А Константинов так и не вернулся в Сочи. По розыскам товарищей-инженеров выяснилось, что он пошел пешком из Новороссийска, где-то около Джубги⁷⁹ захвачен зелеными и расстрелян, как шпион. Когда они узнали потом, кого расстреляли, очень сожалели, и создалась легенда, что сочинские рабочие разыскали его тело, перенесли на Краснополянское шоссе, там на бугре его похоронили и поставили высокий крест, который и сейчас показывают туристам, как могилу Константинова. Но это, конечно, легенда: труп его не был найден, а крест стоит на могиле рабочих, погибших от взрыва при постройке шоссе.

Умерла Екатерина Павловна 22 июня 1920 г. на заре – “утонула в эфире неба голубом”. Весь день и всю ночь я провела около нее. Мы ее убрали, одели в ее обычное белое платье, положили в библиотеке, у окна, где она любила сидеть. Она лежала спокойная, помолодевшая, улыбалась, как живая. Я все спрашивала ее: “Екатерина Павловна, что же вы замолчали? Ведь вы мне еще много не досказали”. Она молчала, а за окном, в кустах роз, возились и чирикали птицы, которых она прикармливала. Иные вскакивали и в окно, на розы, которыми мы ее обсыпали.

С похоронами вышла неприятность. Майкова никогда не была религиозна⁸⁰, и мы хотели похоронить ее без церковных обрядов, под черкесским дубом, как она завещала. И вдруг Толоконникова является со священником и целым причтом. Пришлось уступить; все пошли в церковь. Выходим на улицу – навстречу толпа рабочих с красными знаменами: “Да здравствует Революция!”, “Да здравствуют Советы и Ленин!”. Столкнулись с нашей процессией, услышали похоронное чтение, остановились: “Ну, ребята, здесь нам делать нечего”. И ушли. Я страшно злилась на Толоконникову с ее попами. Пока мы дошли до церкви, к нам присоединилось много народу: женщины с ребятами, старики, какие-то странные люди босиком, без шапок. Я думала – это босяки, которых тогда много бродило по Сочи, но оказалось – толстовцы. Они все знали покойную и пришли ее проводить. После заупокойной обедни вернулись в усадьбу; там, под дубом, была уже приготовлена могила. Священник, о. Сергей (тоже был оригинальный человек и жизнь кончил таинственно и странно), произнес прочувственную речь; потом говорила я. После меня выступила сочинская старожилка Верещагина, интересный в своем роде тип; она внесла в мою речь кое-какие поправки: по ее словам, Майковой было больше лет, чем я сказала⁸¹, – чуть ли не 90, а по-

том в Сочи она не была пионеркой, а первыми пионерами и культурными колонизаторами были они, Верещагины, почему часть Сочи, за рекой [Чвижепсе], и называется Верещагинкой. После я узнала, что их “культурное колонизаторство” состояло в том, что, благодаря связям, они получили бесплатно огромную площадь земли под лесом и фруктовыми черкесскими садами и распродали ее по 10 к. кв. сажень, нажив большие деньги⁸². После этого ненужного и бестактного выступления гроб опустили в могилу, все разошлись, и тогда снова явились рабочие со знаменами. Быстро зарыли гроб, поставили заготовленную ограду, вокруг нее расположили знамена, спели “Вставай, подымайся, рабочий народ”⁸³ и ушли. А мы долго еще сидели в опустевшей библиотеке и вспоминали Екатерину Павловну.

В 1926 г. приехал в Сочи мой давний знакомый, инженер Ф.К. Рындин⁸⁴, работавший в печати под псевдонимом “Евгеньев”, отец известного теперь художника-орденоносца В.Ф. Рындина, и мы вздумали устроить поминки по Майковой. В это время в ее домике был устроен музей краеведения. Мы испросили разрешения вечером прийти на ее могилу и в назначенный час собрались под дубом. Одна, которая когда-то жила у Майковой, Н.О. Подтынникова, принесла красного вина; пришли дочери д-ра Сидоренко – всего 6 человек. Я рассказала о Екатерине Павловне; одна из девиц прочла свое стихотворение; потом завязалась интересная беседа. Рындин много путешествовал, бывал в Риме, во Флоренции и др., посещал знаменитые галереи картин, увлекался живописью, рассказал о великих художниках прошлого. Время было за полночь; появился сторож с дубинкой: “Что это вы тут ночью делаете?” Мы рассказали ему о Майковой, кто она была, дали стакан вина, сообщили, что пришли ее помянуть. Он выпил. “Ну, сидите, сидите! Видать, хорошая старуха была”, – и мирно удалился.

Это были последние поминки по ней. Теперь музей краеведения в другом месте, а на ее усадьбе возводится громадная гостиница. Вход на стройку закрыт, и мы не знаем, цел ли черкесский дуб и существует ли еще ее могила.

30 мая 1941 г.

Москва.

В. Дмитриева

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сын Е.П. Майковой и Ф.[В]. Любимова; был отдан на воспитание некоей Марии Линдблом; отчество и фамилию получил по имени крестного отца Константина Николаевича Иванова (см.: *Чемена...* С. 118). Е.С. Гаршина впоследствии “разыскала его в трущобах, в невероятной грязи. Он не умел ни читать, ни писать, похож был на звереныша. <...> Его обмыли, одели, отдали учиться” (“Так было”. С. 194–195).

В 1886 г. Константинов окончил с золотой медалью Петербургскую гимназию Императорского человеколюбивого общества и поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. В 1887 г. он навещает мать в Уч-Дере близ Сочи, в 1888 г. – уже в Сочи, где Е.П. Майкова купила участок земли на вырученную от продажи имения Калитовка (наследство отца) сумму (см.: *Чемена...* С. 122). В 1891 г. Константинов окончил университет, в 1894 г. – Институт инженеров путей сообщения. В 1896 г. ему поручено строительство горного шоссе Адлер – Красная Поляна. В мае 1906 г. избран в Екатеринодаре членом Первой Государственной Думы от не казацкого населения Кубани. В числе других депутатов подписывает Выборгское воззвание, осужден и приговорен к трехмесячному заключению и лишению избирательных прав. Отчет о Выборгском процессе и об участии в нем В.К. Константинова содержится в письмах Вл.Вл. Майкова за 1907–1908 годы к матери, хранящихся в ГЛМ: Ф. 11, оп. 1, № 515 (см. также: “Литература в школе”. 1997. № 5. С. 55–59).

² “Донская Речь” – издательство в Ростове-на-Дону, организованное в 1903 г. крупным предпринимателем Н.Е. Пармоновым, в то время сочувствовавшим революционному движению. Выпускало дешевые издания публицистической и художественной литературы, политические брошюры. В числе авторов издательства были М. Горький, А.И. Куприн, А.С. Серафимович, Л.Н. Андреев и др. “Русское Богатство” (РБ) – журнал народнического направления, издававшийся в Петербурге в 1876–1918 годах. Печатал среди прочих произведения В.И. Дмитриевой: рассказ “Димка” (1900, № 12) об эксплуатации детского труда, впоследствии многократно переизданный и переведенный на немецкий язык; повесть “Тучки” (1904, № 1, 2) из жизни провинциальной интеллигенции. А. Блок отмечал, что актуальные выступления Дмитриевой “с незапамятных времен” украшают страницы РБ (см.: *Блок А.А. Собр. соч.*: В 8 т. М.; Л., 1960–1963. Т. 5. С. 113). В сб. РБ (СПб., 1900, ч. I) включен рассказ Дмитриевой “Белые крылья”. Книгоиздательство “В.И. Рапп и В.И. Потапов” существовало в начале XX века и располагалось в Харькове.

³ Речь идет о “ниццкой переписке”. Е.П. Майкова уехала лечиться в Ниццу 26 октября 1863 г. и вернулась в Россию 1 февраля 1864 г. За это время И.А. Гончаров написал ей более 10 писем, которые впоследствии были переданы на хранение В.И. Дмитриевой (см.: *Чемена...* С. 72).

⁴ ГЛМ располагает перепиской Азаровых с Е.П. Майковой и В.И. Дмитриевой: Ф. 11, оп. 1, № 503 и 213.

⁵ Майкова Екатерина Павловна, урожденная Калита, родилась по уточненным сведениям в апреле 1836 г. (см.: письма Вл. Вл. Майкова от 17 (30) апреля 1908 г. и невестки М.П. Майковой от 12 (25) апреля [1911] г., где они поздравляют ее с днем рождения, – ГЛМ. Ф. 11, оп. 1, № 515 и 517; см. также: “Литература в школе”. 1997. № 5. С. 56) в деревне Калитовка Пирятинского уезда Полтавской губернии. Сведения о роде Искры см.: *Модзалевский В.Л. Малороссийский Родословник*. Т. 1–4. Киев, 1908–1914. Т. 2. Киев, 1910. С. 250–257 (далее ссылки на эту книгу даются с указанием автора, тома и страницы). Подтверждений связи семьи Калиты с родом Искры обнаружить не удалось.

⁶ Ранний период жизни Е.П. Майковой описан ею самой в автобиографической повести “Как началась моя жизнь” (СПб., 1871).

⁷ Отец определил Майкову в пансион в Петербурге, когда той было 13 лет.

⁸ В.И. Дмитриева подразумевает В.А. Жуковского, однако рассказ о детстве Е.П. Майковой в доме В.А. Жуковского противоречит хронологии, так как девочку привезли в Петербург в 1849 г., когда В.А. Жуковский уже не жил в России. По всей вероятности, речь идет об Александре Кирилловиче Жуковском (1810–1864), известном как Жуковский-2 и печатавшемся под псевдонимом Бернет (см. подробнее: Литературные салоны. М.; Л.: Academia, МСМХХ. С. 230; *Турге-*

нев И.С. ПСС и писем: В 30 т., изд. 2-е (далее – ПСС-2). Т. 11. М.: Наука, 1983. С. 16). В пользу этого предположения косвенно говорит также то, что двоюродным племянником А.К. Жуковского (внуком сестры его матери) был И.И. Львовский (1829–1867) – однокурсник Вл. Н. Майкова по университету и один из ближайших друзей И.А. Гончарова, бывавший у Майковых (см.: Гончаров в воспоминаниях современников. Л.: Художественная литература, 1969. С. 81; *Штакинишейдер...* С. 186, 197, 219).

⁹ Майков Владимир Николаевич (1826–1885) – прозаик, переводчик, издатель. Брат Аполлона Н., Валериана Н. и Леонида Н. Майковых. В 1852 г. женился на Е.П. Майковой. С 1851 г. служил в Петербургской таможне. Дослужился до чина действительного статского советника. В 1864–1870 годах издавал детский журнал “Семейные вечера”, где была опубликована автобиографическая повесть Е.П. Майковой “Как началась моя жизнь” (№ 1, 3, за подписью “В”). С 1866 г. отходит от литературной и издательской деятельности. Выйдя в отставку, жил с детьми в Нарве, где и умер.

¹⁰ Майков Николай Аполлонович (1796–1873) – художник, академик живописи.

¹¹ На самом деле воспитателем наследника престола великого князя Александра Николаевича, будущего Александра II, с 1826 г. был поэт В.А. Жуковский.

¹² Свадьба состоялась в августе 1852 г. На свадьбе присутствовал И.А. Гончаров, отправлявшийся вскоре в кругосветное путешествие на фрегате “Паллада” (*Чемена...* С. 19–20).

¹³ Майкова Евгения Петровна, урожд. Гусятникова (1803–1880) – жена Н.Ап. Майкова, дочь купца-золотопромышленника П.М. Гусятникова, мать Ап. Н., Вал. Н., Вл. Н. и Л.Н. Майковых. Поэтесса, прозаик, хозяйка литературного салона.

¹⁴ Неточность: Н.Ап. Майков по поручению Николая I написал ряд образов для церкви Св. Троицы в Измайловском полку (Петербург), за что в 1835 г. получил звание академика. Десять лет составлял образа для малых иконостасов Исаакиевского собора, которые были признаны неудобными для воспроизведения мозаикой и заменены работами других художников, использовавшими частично композиции Майкова.

¹⁵ Вероника – легендарная святая, благочестивая иерусалимская женщина, давшая Христу на пути к Голгофе свое головное покрывало, сложенное втрое, которым он отер пот и кровь с лица, отчего на покрывале три раза изобразился нерукотворный лик. Умерла в Риме, завещав святыню папе Клименту, ученику апостола Петра. После изобретения фотографии папским декретом святая Вероника была объявлена покровительницей фотографии и фотографов.

¹⁶ Майков Валериан Николаевич (1823–1847) – литературный критик, публицист, брат Ап. Н., Вл. Н. и Л.Н. Майковых. Летом 1847 г. Вал. Майков утонул. Е.П. Майкова приехала в Петербург в 1849 г., то есть через два года после смерти Вал. Н. Майкова, а ее замужество состоялось в 1852 г. Таким образом, “новелла” об отношениях с Вал. Н. Майковым – это либо не критично воспринятое Дмитриевой отождествление Е.П. Майковой себя с событиями, участницей которых она не могла быть, но чувствовала с ними эмоциональную связь, либо, что вероятнее, погрешность самой В.И. Дмитриевой. Кроме того, младшим сыном в семье был Леонид Николаевич Майков (1839–1900) – историк литературы, библиограф, помощник директора Публичной библиотеки в 1882–1893 годах, академик Императорской Академии Наук (с 1891 г.), вице-президент АН (с 1893 г. до конца жизни).

¹⁷ Пригород Петербурга.

¹⁸ В журнале “Современник” за август 1847 г. был опубликован некролог, автором которого был И.А. Гончаров; в

примечаниях к нему сказано, что несчастье произошло в сельце Новое Петергофского уезда.

¹⁹ “Подснежник” – первоначально (1836–1838) семейный рукописный журнал Майковых. В 1858–1862 годах Вл. Н. Майков издавал в Петербурге журнал с тем же названием, предназначенный “для детского и юношеского возрастов”. Изданием этого журнала живо интересовалась Е.П. Майкова и принимала в нем участие. И.А. Гончаров опубликовал в нем “Два случая из морской жизни” (1858, № 2, 3), связанные с его книгой «Фрегат “Паллада”». Д.В. Григорович также печатался в журнале (рассказ “Гришка” и отрывки из повести “Антон Горемыка”).

²⁰ Ср. со словами из письма дочери Е.П. Майковой, Евгении Владимировны: «Бог мой свидетель, что я всю свою жизнь, как мы расстались с Вами только, горевала о Вас и в душе сохраняла Ваш светлый образ. На все разговоры я молчала, потому что помнила слова папашы, сказанные им мне наедине, когда раз он вез меня в театр еще от бабеньки: “Что бы там ни говорили, для меня мать твоя – святая женщина”». 4 (16) февраля 1895 г. (ГЛМ. Ф. 11, оп. 1, № 516. Оф 3388/1; Кп 50910/2519; см. также: “Литература в школе”. 1997. № 5. С. 50).

²¹ Первая строфа стихотворения Я.П. Полонского (1819–1898) “Узница” (1878/79). В 1878 г. В.И. Засулич (1849–1919) стреляла в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. В.Н. Фигнер (1852–1942) была арестована в 1883 г. и приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой в 1884 г.

²² С 1834 г. семья Майковых постоянно живет в Петербурге. В их доме собирается литературный кружок, членами которого были их близкие родственники и друзья, среди них – И.А. Гончаров, домашний учитель Аполлона и Валериана. Кружок выпускал свои рукописные издания – журнал “Подснежник” и альманах “Лунные ночи” (1839). С началом литературной деятельности старших сыновей Майковых, Аполлона и Валериана (середина 1840-х годов), кружок превращается в литературный салон, в котором бывают И.А. Гончаров, Д.В. Григорович, Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов, И.А. Панаев, И.С. Тургенев, А.Н. Плещеев, А.В. Дружинин, Я.П. Полонский, С.С. Дудышкин, А.И. и Е.А. Штакеншнейдер и др. (см. подробнее: *Григорович Д.В.* Литературные воспоминания. М.: Художественная литература, 1987. С. 106–107; *Старчевский А.В.* Один из забытых журналистов (Из воспоминаний старого литератора) // Исторический Вестник. Т. XXIII. 1886; *Мережковский Д.С.* Вечные спутники. Майков. ПСС. СПб.; М.: Изд. т-ва М.О. Вольф, 1911. Т. XIII. С. 261–262). После свадьбы Вл. Н. и Е.П. Майковы живут отдельно, но постоянно бывают в доме родителей и принимают у себя.

²³ И.А. Гончаров сообщает Е.А. Языкову 12 августа 1852 г.: “Все Вам кланяются и в том числе Майковы: в конце этого месяца они намерены сыграть свадьбу. Я видел невесту: миленькая, немножко неловкая девушка, но это-то и придает ей грацию; она мне понравилась тем, что очень естественна, ни искусственность, ни кокетство не успели дотронуться до нее” (*Чемена...* С. 18).

²⁴ “Casta diva” – начало арии Нормы из одноименной оперы В. Беллини (1801–1835). С 1842 по 1852 год в Петербурге выступала выдающаяся исполнительница этой арии Джиллиа Гризи (1811–1869), восторженный отзыв о пении и игре которой оставил В.П. Боткин в статье “Итальянская опера в Петербурге в 1849 г.” (“Современник”. 1850. № 1. Отд. “Смесь”. С. 91–93).

²⁵ Гончаров постоянно виделся с Майковой после своего возвращения из кругосветного путешествия.

²⁶ Неточно цитируемые строки из стихотворения Н.А. Некрасова (1821–1877) “Рыцарь на час” (1862): “Не придумать им казни мучительней / Той, которую в сердце ношу!” (*Некрасов Н.А.* Сочинения: В 3-х т. М.: Художественная литература, 1959. Т. 1. С. 300).

²⁷ В длительных отношениях И.С. Тургенева (1818–1883) и Н.А. Некрасова были разные периоды, но в “Речи по поводу открытия памятника А.С. Пушкину в Москве” Тургенев упомянул Некрасова как «поэта “мести и печали”» (ПСС-2. Т. 12. С. 348).

²⁸ Пила и его дочь Апроська – персонажи повести Ф.М. Решетникова (1841–1871) “Подлиповцы. Этнографический очерк (из жизни бурлаков) в двух частях” с посвящением Н.А. Некрасову (впервые: “Современник”. 1864. № 3, 4, 5).

²⁹ Приведенная сцена – эпизод рассказа И.С. Тургенева “Два помещика”.

³⁰ Фрегат “Паллада” вышел из Кронштадта 7 (19) октября 1852 г.

³¹ Речь идет о стихотворении Ап. Н. Майкова “Анакреон. И.А. Гончарову” (1852).

³² Речь идет о романе Н.С. Лескова “Некуда” (опубликован с цензурными сокращениями в журнале “Библиотека для чтения” (1864. № 1–5, 7, 8, 10–12). Роман был осужден радикальной критикой и частью либеральной; в нем отчетливо узнавались многие представители общественных движений 1860-х годов, хотя автор отрицал “фотографичность действующих лиц”, их “видимое сходство” с известными людьми (см.: *Лесков Н.С.* Объяснение. По поводу романа “Некуда”. “Библиотека для чтения”. 1864. № 2).

³³ Слепцов Василий Алексеевич (1836–1878) – писатель демократического направления, автор повести “Трудное время”, считавшейся шедевром революционно-демократической тайнописи и непревзойденным памфлетом против либерального реформизма 1860-х годов (см.: *Чуковский К.И.* Мастерство Некрасова. М.: Художественная литература, 1971. С. 668, 675), создатель журнала “Женский Вестник”, активный участник движения за эмансипацию женщин. Выведен Лесковым в романе “Некуда” в образе Белоярцева. Организовал “Знаменскую коммуну” в Петербурге, на Знаменской улице, просуществовавшую около года, с сентября 1863 по май 1864 г. (см.: Записки III Отделения о коммуне Слепцова // ЛН. Т. 71. С. 453; *Елисеев Г.З.* О романе “Что делать?” и “коммуне” В.А. Слепцова. // Шестидесятые годы в воспоминаниях Н. Антоновича, Г. Елисеева. М.; Л., Academia, 1933. С. 484–493; *Жуковская Екатерина.* Записки. Ред. и предисловие К. Чуковского. Л.: Изд-во писателей, 1930. С. 5).

³⁴ Макулова Екатерина Александровна (1840?–1896) – княжна, дочь коллежского регистратора, состояла под негласным надзором III Отделения. Лесков изобразил ее в романе “Некуда” под именем Бертольди (см.: *Жуковская...* С. 166–168).

³⁵ В 1869 г. Е.П. Майкова и Ф.В. Любимов уехали на Северный Кавказ в одну из коммун. Надежды на осуществление идеальной жизненной программы не оправдались. В 1888 г. Майкова переехала в Сочи.

³⁶ Гаршина Екатерина Степановна (1828–1897) – мать Е.М. и Вс. М. Гаршиных. Разбив семью, ушла к революционеру П.В. Завадскому, на три года расставшись с младшим сыном Всеволодом (см. о ней: “Исторический Вестник”. 1916. Апрель. С. 131–152).

³⁷ Романов Константин Константинович (1858–1915) – великий князь, сын великого князя Константина Николаевича, внук Николая I, академик, Президент Императорской Академии Наук, поэт, подписывавшийся инициалами “К.Р.”, переводчик, драматург. Организатор “Измайловских досугов” в Офицерском собрании лейб-гвардии Измайловского полка, которые посещал Ап. Н. Майков. Сборник “Стихотворения К.Р.” (СПб., 1886) рассылался по списку родственникам, друзьям и людям искусства (среди них был Ап. Н. Майков), чьим мнением дорожил автор. Ап. Н. Майков посвящал К.Р. стихи; Л.Н. Майков правил ранние стихи К.Р. и его поэму “Севастьян-мученик” (см. письма Л.Н. Майкова в кн.: Памяти Л.Н. Майкова. СПб., 1902. С. LXII–LXIII).

Учеником Л.Н. Майкова был и сын К.Р. Олег (1892–1915), погибший на германском фронте.

³⁸ Речь идет о “Воспоминаниях” А.Я. Панаевой (1819–1893), опубликованных впервые в “Историческом Вестнике”, 1889, № 1–11.

³⁹ Знакомство А.Я. Панаевой с Н.А. Добролюбовым (1836–1861) относится, вероятно, к 1857 г., но сближение началось летом 1858 г. – в это время Добролюбов посетил Н.А. Некрасова на даче под Петергофом. А.Я. Панаева была в числе ближайших друзей Добролюбова; тяжело больной Добролюбов вызвал Панаеву из Парижа в Петербург, она ухаживала за ним с октября 1861 г. до его смерти. Умирая, Добролюбов поручил А.Я. Панаевой заботу о своей семье, и она в течение многих лет выполняла его предсмертную волю. Посмертное собрание сочинений Н.А. Добролюбова вышло с посвящением А.Я. Панаевой (СПб., 1862. Под редакцией Н.Г. Чернышевского).

⁴⁰ При жизни М.Ю. Лермонтова Сенковский давал комплиментарные оценки его творчеству. Однако после смерти поэта, не оставившего прямых наследников, началась борьба за право издания его произведений, возникла конкуренция. Первое посмертное издание произведений М.Ю. Лермонтова предпринял А.А. Краевский. К этому времени относятся критические высказывания Сенковского о творчестве М.Ю. Лермонтова и новом издании его произведений.

⁴¹ Приведенные Дмитриевой слова являются своего рода выжимкой из критической полемики вокруг творчества Лермонтова, в которой приняли участие многие авторы и были высказаны различные мнения, в том числе и резкие.

⁴² Ср. в кн. “Так было”, с. 197: “Шел душный, знойный июль; я по обыкновению сидела у Майковой. Она что-то рассказывала и вдруг вспомнила:

– А ведь в этом году десятилетие со дня смерти Чехова? Надо бы какие-нибудь поминки устроить.

– Литературно-музыкальный вечер, – сказала я. – Здесь И.П. Белокопский, он прочтет биографию и характеристику Чехова, я – что-нибудь из рассказов, может быть Константин согласится тоже читать...

Майкова ухватила за эту мысль, и тут же мы обсудили и разработали программу, наметили исполнителей. Дело закипело. Вечер состоялся 14 июля в зале Общественного собрания и прошел с большим успехом, а на другой день по Сочи распространилась сенсационная весть об убийстве эрцгерцога австрийского в Сараеве <...>“.

Белокопский Иван Петрович (1855–1931) – публицист, земский статистик. Участник народнического движения, в 1880–1886 годах был в сибирской ссылке. Автор трудов по истории земства и земского движения, а также воспоминаний “Дань времени”.

⁴³ “Русская мысль” – научный, литературный и политический ежемесячный журнал либерального направления, издававшийся в Москве в 1880–1918 годах, с которым сотрудничал А.П. Чехов. В августе 1904 г. (№ 8) журнал поместил редакционную статью “Памяти Чехова” (раздел XVII, с. 146). В июле 1914 г. (№ 7) – статью Н. Шаховской “О Чехове”, посвященную 10-й годовщине смерти писателя (раздел X, с. 1–15).

⁴⁴ Богораз, Тан-Богораз Владимир Германович (1865–1936), псевд. Н.А. Тан от имени Натан, данном при рождении, – этнограф, лингвист, поэт, прозаик, публицист, общественный деятель, участник студенческих волнений, один из руководителей южно-русской народофильской организации. Два года провел в одиночной камере Петропавловской крепости. В 1889 г. на 10 лет сослан в Среднеколымск. В составе экспедиции (1894–1897) обследовал Колымский округ. Известны его “Колымские рассказы” (1896–1899). В 1899 и 1901 годах опубликовал первые этнографические и лингвистические работы. В 1924 г. инициировал создание, а затем

был одним из руководителей Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК.

⁴⁵ В 1900–1902 годах Тан-Богораз обследовал северо-восточное побережье Азии и Камчатку, участвуя в русско-американской Северо-Тихоокеанской полярной экспедиции. В 1902–1903 годах в Нью-Йорке занимался обработкой научных материалов экспедиции, опубликованных в 1909–1913 годах на английском языке, а затем – в авторском переводе на русском: Чукчи. Ч. 1–2, Л., 1934–1939; см. также его очерки “Золотые утки” (“Жизнь”. 1901. № 1), “На севере дальнем” (“Русская мысль”. 1901. № 12), “Домой” (“Мир Божий”. 1902. № 1).

⁴⁶ Повесть “Крылоносый Икар” опубликована в 1914 г. (Литературно-художественные альманахи издательства “Шиповник”. СПб. Кн. 23).

⁴⁷ Речь идет о гражданской казни Н.Г. Чернышевского 19 мая 1864 г. в Петербурге, на Мытной площади.

⁴⁸ Михаэлис Людмила Петровна (1832–1901) – переводчица, жена Шелгунова Николая Васильевича (1824–1891), общественного деятеля, литературного критика и автора воспоминаний о Н.Г. Чернышевском, известных под названием “Первоначальные наброски”.

⁴⁹ Букет бросила Мария Петровна Михаэлис (ок. 1845–после 1882), сестра Л.П. Шелгуновой (см.: *Штакеншнейдер...* С. 333–335, 337; Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1982. С. 288).

⁵⁰ Неточность: в рассказе Н.С. Лескова “Левша” выведен Александр I.

⁵¹ Вероятно, подразумевается многолетняя связь Александра II с княжной Долгорукой Екатериной Михайловной (1847–1922), светлейшей княгиней Юрьевской, с 1880 г. – морганатической супругой Александра II.

⁵² Собещанская Анна Иосифовна [Осиповна, Каземировна] (1842–1918) – артистка балета, выступала на сцене Большого театра (см. о ней: *Вальц К.Ф.* 65 лет в театре. Л.: Academia, 1928. С. 73–75).

⁵³ Когда в 1866 г. Е.П. Майкова оставила мужа, она была матерью троих детей: дочери Евгении (1853–?) и двоих сыновей – Валериана (1857 или 1858–1899) и Владимира (см. примеч. 59). О Вал. Вл. Майкове известно, что он был педагогом, сотрудником “Журнала Министерства Народного Просвещения”, автором книги “Виды города Нарвы и его окрестностей” (Нарва, 1886, совместно с В. Владимирским); см.: *Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. Том II. СПб.: издание А.С. Суворина, 1887. С. 6; *Венгеров С.А.* Источники словаря русских писателей. Т. IV. Пг, 1917. С. 89. В фонде В.И. Дмитриевой (рукописный отдел ГЛМ) сохранилась часть переписки с Е.П. Майковой ее детей (Ф. 11, оп. 1, № 515, 516, 517). Ее начало датируется 1893 г. (письмо Вал. Вл. Майкова к матери). Частично письма опубликованы в журнале “Литература в школе” (1997. № 5. С. 44–59).

⁵⁴ Любимов Федор [Васильевич] (1845–?) – сын священника Енисейской епархии, семинарист Томской духовной семинарии, не закончив которую отправился в Петербург. С зимы 1864 г. живет в доме В.Н. и Е.П. Майковых. В 1865–1866 годах развивается его роман с Е.П. Майковой (см.: *Скабичевский А.М.* Литературные воспоминания. М.; Л., 1928. С. 114). В апреле 1866 г. Е.П. Майкова уезжает к отцу (см.: *Чемена...* С. 74), а в августе того же года уходит к Любимову. В октябре 1867 г. Любимова зачисляет на первый курс Петербургского университета, а в ноябре переводят на первый курс Медико-Хирургической академии. В мае 1869 г. после неудовлетворительной оценки по “препарированию” Любимов не явился больше к экзамену, уволен в отпуск и вместе с Е.П. Майковой уезжает в Ставрополь.

⁵⁵ Уч-Дере – имение в 18 км к северу от Сочи, принадлежавшее Александру Александровичу Старку, другу Е.П. Майковой, где она жила некоторое время после разрыва с Ф. Любимовым. Позднее Старк продал имение, и оно стало великокняжеским (см.: *Чемена...* С. 121, 158).

⁵⁶ В книге “Так было” (с. 191) о последнем этапе совместной жизни с Любимовым сказано со слов Е.П. Майковой: “<...> он стал невозможным. Опустился, ничего не хотел делать, бросил читать, заниматься, лежал и пил... ругался. Я ушла...” (см. также: *Чемена...* 116–121).

⁵⁷ Ср. в “сочинской рукописи”: “От Майкова у К.П. было двое детей: сын и дочь. У дочери был сын, мичман на броненосце “Ослябя”, погибшем при Цусиме”. В списке офицеров, погибших в Цусимском сражении (14–15 мая 1905 года), значится вахтенный офицер мичман Валериан Валерианович Майков (см.: [http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D1%81%D0%BB%D1%8F%D0%B1%D1%8F_\(%D0%B1%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%B5%D1%86](http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D1%81%D0%BB%D1%8F%D0%B1%D1%8F_(%D0%B1%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%B5%D1%86) и <http://rjw.narod.ru/people/bship/osljabja.htm>).

⁵⁸ См. письма невестки, Марии Павловны Майковой, урожд. Рословой, к Е.П. Майковой 1910-х годов (ГЛМ. Ф. 11, оп. 1, № 517, Оф 3389).

⁵⁹ Майков Владимир Владимирович (1863–1942) – историк, археограф, палеограф, библиограф, член-корреспондент АН СССР (с 1925 г.). Ученик и воспитанник Л.Н. Майкова. В 1886–1930 годах – научный сотрудник Археографической комиссии, в 1896–1942 годах – хранитель рукописей в Публичной библиотеке, преподаватель (с 1900 г.) и профессор Археологического института (1918–1925) (см.: Архив АН СССР. Обзорные архивных материалов. Том IV. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 180).

⁶⁰ “Санкт-Петербургские Ведомости” – старейшая русская газета, издавалась с 1728 г.; с 1914 г. называлась “Петроградские ведомости”. Закрыта в 1917 г. “Правительственный Вестник” – в 1869–1917 годах ежедневная официальная газета Министерства внутренних дел. Публиковала правительственные распоряжения и сообщения. Издавалась в Петербурге. С марта 1917 г. называлась “Вестник Временного правительства”. Закрыта после Октябрьской революции.

⁶¹ Маркевич Болеслав Михайлович (1822–1884) – русский писатель, имевший колоссальный читательский успех в разных слоях общества. Был знаком с Ап. Н. Майковым. Позняк Дмитрий Михайлович (1842–1896) – плодовитый писатель, печатавшийся преимущественно в “Русском Вестнике”. Был воронежским вице-губернатором, членом главного управления по делам печати.

⁶² Ср. с характеристикой, данной брату дочерью Е.П. Майковой Евгенией: “Самый лучший из Ваших детей – это Вовушка. Это человек высокой нравственности, глубоко и истинно религиозный, видящий в труде замену многого того, что ему не дала еще судьба. Он со смирением переносит свою нелегкую жизнь, свою зависимость от семьи, его воспитавшей, и в полном смысле слова заменяет Тете Саше и Дяде Лене сына. Главное его достоинство – большая скромность и отсутствие всякой рисовки, что так редко в таком молодом человеке. У него нет такой красоты физической, как у Валерьяна, но у него истинная красота душевная”. Письмо от 4 (16) февраля 1895 г. (ГЛМ. Ф. 11, оп. 1, № 516. Оф 3388/1, Кп 50910/2519; см. также: “Литература в школе”. 1997. № 5. С. 50).

“Тетя Саша” – Майкова Александра Алексеевна, урожд. Трескина (р. в 1841 г.), жена Л.Н. Майкова (“Дядя Лень”). Вступили в брак осенью 1863 г.; брак был бездетным.

⁶³ Жена Вл. Вл. Майкова – Мария Семеновна, урожд. Боровкова (1879–1942), историк литературы. Сведения о женитьбе Вл. Вл. Майкова и последовавшем за ней разрывом с семьей подтверждаются перепиской Е.П. Майковой. См. письма С.[Н]. Азаровой от 3 (16) октября 1909 г. (ГЛМ. Ф. 11, оп. 1, № 503. Оф 3373/1, Кп 50910/2465) и М.П. Майковой от

12 (25) апреля [1911] г. (ГЛМ. Ф. 11, оп. 1, № 517. Оф 3389/1, Кп 50910/2521). Эти письма позволяют отнести женитьбу Вл. Вл. Майкова не к периоду Империалистической войны, как сказано в воспоминаниях В.И. Дмитриевой, а к более раннему времени – к 1909 г., которым датировано письмо С.[Н]. Азаровой.

⁶⁴ Ревекка – по ветхозаветному преданию, жена Исаака, одна из четырех прародительниц еврейского народа. Описанный В.И. Дмитриевой сюжет картины соответствует легенде: домоправитель Авраама Елизар, посланный за женой для Исаака в сопровождении каравана верблюдов, везущих свадебные подарки, останавливается у колодца и молится о ниспослании ему знамения – девица, предназначенная в жены Исааку должна начерпать воды для всего каравана. Ею оказывается “прекрасная видом” Ревекка (Ветхий Завет. Бытие. 24: 16; см. также: Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 457–458).

⁶⁵ Ср. в “сочинской рукописи”: “<...> во время занятия Харькова Кр. Армией, все вещи и портрет в том числе реквизированы, и как они, по возвращении, не разыскивали его, все следы исчезли. Возможно, он валяется где-нибудь на чердаке, а, м. б., украшает стены какого-нибудь учреждения, подобно картинам соч. домовладелицы Верещагиной, которые висят в клубе строителей имени [Профинтерна]”.

⁶⁶ В “сочинской рукописи”: “Ее маленькая фотогр. карточка, снятая за границей в 1863 г., когда она там лечилась”.

⁶⁷ Ляцкий Евгений Александрович (1868–1942) – историк литературы, автор книг “Иван Александрович Гончаров. Критические очерки” (СПб., 1904) и “Гончаров. Жизнь, личность, творчество. Критико-биографические очерки” (СПб., 1912).

⁶⁸ В рукописных фондах ГЛМ хранятся письма В.К. Константинова к Е.П. Майковой (Ф. 11, оп. 1, № 512, 2 ед. хр.), к Вл. Вл. Майкову (Ф. 11, оп. 1, № 554) и письма Вл. Вл. Майкова матери 1907–1908 годов с отчетом о Выборгском процессе, в котором участвовал В.К. Константинов (Ф. 11, оп. 1, № 515, 6 ед. хр.; см. также: “Литература в школе”. 1997. № 5. С. 54–56).

⁶⁹ Гаршин Евгений Михайлович (1860–1931) – брат Вс. М. Гаршина (1855–1888), критик, мемуарист. Занимался административной и педагогической деятельностью в Симферопольском и Таганрогском коммерческих училищах.

⁷⁰ В книге “Так было” В.И. Дмитриева характеризует отношения между В.К. Константиновым и его матерью как последнюю драму Майковой (с. 195): “<...> для меня стали понятны и ее восторженное, хотя несколько робкое преклонение перед сыном с истерическими всплесками гнева и обиды за его будто бы равнодушие к ней, и его подчеркнутая резкость, почти грубость, под которою он застенчиво старался скрыть свои настоящие чувства. Несомненно они любили друг друга сильно, даже страстно, но у матери к любви примешивались сознание своей вины и запоздалое раскаяние, а сын не мог забыть горечи одиночества и заброшенности своего печального детства”.

⁷¹ Б.П. Козьмин в 1922–1935 годах был членом редколлегии, затем зав. редакцией журнала “Каторга и ссылка”, сотрудником журналов “Красный архив”, “Печать и революция”, “Литература и марксизм”, “Новый мир”; в 1944–1958 годах – директор Государственного Литературного музея.

⁷² В конце декабря 1905 г. в Сочи по призыву большевиков появились баррикады. Восставшие штурмовали казарму, где находился сочинский гарнизон, и 1 января 1906 г. власть пала, но уже 5 января регулярные части, высадившиеся в городе, подавили восстание. Вероятно, В.К. Константинов участвовал в тех событиях и был ранен, на что косвенно указывают письма Е.Н. Толоконниковой и Вл. Вл. Майкова к Е.П. Майковой (Ф. 11, оп. 1, № 534, 515) за этот период, содержащие информацию о его самочувствии. Из тех же писем

следует, что зиму 1907–1908 годов Е.П. Майкова провела в Петербурге.

⁷³ Братья Жилинские – дети польской эмигрантки, которых после смерти их матери воспитывала Мария Арсеньевна Быкова-Богданова, педагог, пионерка Сочи, приятельница Майковой. Франштейн Александр Павлович – гарибальдист, участник Парижской коммуны. Потерял зрение после того, как был избит жандармами в 1905 г. (*Чемена...* С. 121).

⁷⁴ Настоящее имя – Фостиков Михаил Архипович (1886–1966). В Белом движении с лета 1918 года. Умер в Белграде. См.: http://www.hrono.ru/biograf/bio_f/fostikov.html.

⁷⁵ Город Сочи был окончательно занят частями Красной армии 29 апреля 1920 г.

⁷⁶ Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) – журналист, беллетрист, театральный критик, издатель газеты “Новое время”; псевдоним – Незнакомец (см.: *Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов*. Т. 2. М., 1957. С. 257).

⁷⁷ Подгурский Виктор Францевич, Подгурская Анна Михайловна – знакомые Е.П. Майковой и В.И. Дмитриевой. В ГЛМ хранятся их письма 1907–1914 годов к Е.П. Майковой, а также их визитные карточки (Ф. 11, оп. 1, № 523, 524).

⁷⁸ Толоконникова Елизавета Николаевна – жительница Сочи, знакомая Е.П. Майковой и В.К. Константинова. В ГЛМ хранятся ее письма 1907–1915 годов к Е.П. Майковой (Ф. 11, оп. 1, № 534).

⁷⁹ Джубга – поселок примерно в 80 км от Туапсе.

⁸⁰ Ср. с письмом дочери Евгении Владимировны: “Милая Мама, я слышала как-то давно, что Вы желали иметь у себя Образ Спасителя, писанный дедушкой. Ваш киот с этим образом и другими образами у меня, и я привезу Вам этот образ. Пусть изображение этого кроткого и благого лика будет служить Вам утешением и я твердо верю, что молитвы Ваши облегчат Вашу наболевшую и измученную душу. Ведь не да-

ром же сказано в Евангелии, чтобы все [нуждающиеся] и обремененные обращались к единственному истинному Утешителю и Успокоителю <...>”. 4 (16) февраля 1895 г. (ГЛМ. Ф. 11, оп. 1, № 516; см. также: “Литература в школе”. 1997, № 5. С. 51–52).

⁸¹ Е.П. Майкова умерла в полных 84 года.

⁸² В 1868 г., когда началась раздача земель на Кавказе, братья Петр и Александр Верещагины организовали товарищество, интересы которого распространялись именно на Сочи (пост Даховский), где и был устроен центральный поселок. Многие места в Сочи названы именем Верещагиных. При заселении края, начавшемся в 1866 г., первым колонистам и поселенцам безденежно нарезились участки земли, а кроме того, земля продавалась частным лицам в рассрочку на 10 лет. Такое приобретение земли считалось выгодной спекуляцией.

Подробнее см.: <http://www.sochi-info.ru/?c=&mag=&first=2040&length=12&it=554&PHPSESSID=d489>.

⁸³ Стихотворение Петра Лавровича Лаврова (1823–1900) «Новая песня» (“Отречемся от старого мира!..” [1875]), написанное на мотив “Марсельезы”, так называемая “Русская “Марсельеза”».

⁸⁴ Рындин Федор Константинович (1873–1938) – экономист и статистик, историк. В 1918–1921 годах служил в Воронежском округе путей сообщения. Под его редакцией в 1921 г. в Воронеже вышел краеведческий справочник “Наш край”. Работал консультантом ВСНХ в Москве. Арестован в 1931 г., приговорен к трем годам лагерей, но в феврале 1932 г. досрочно освобожден. Псевдоним: Евгеньев, Ф. (см.: *Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов*. В 4 т. М.: Книжная палата, 1956–1960. Т. 1. С. 367). Рындин Вадим Федорович (1902–1974) – театральный художник, лауреат Гос. премии СССР (1950), Народный художник СССР (с 1962 г.), действ. член АХ СССР (с 1964 г.).